

Сергей Сезин

ЧЕРНЫЙ ПРИБОЙ ОЗЕРЕЙКИ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Сергей Сезин
Черный прибор Озерейки
Серия «Военная фантастика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28732546

*Черный прибор Озерейки: роман / Сергей Сезин: АСТ, Ленинград; Москва;
2018*

ISBN 978-5-17-108338-0

Аннотация

«Со смертью мы поспорим, пускай умрут враги», – по такому принципу жила и воевала черноморская морская пехота, и ее не останавливали ни шторм, ни минные поля, ни пулеметы. Она остановилась только за Веной, когда враги перед ней кончились вместе с войной. Наш современник Андрей не мечтал о подвигах, прорывах и десантах. Но странный маневр судьбы привел его именно туда, в бригаду морской пехоты. Так что Андрею предстоит высадки в пасть врагу, прорыв по его тылам, штыковые атаки, штурм Новороссийска и Эльтигенский плацдарм.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	28
Глава третья	68
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Сергей Сезин

Черный прибор Озерейки

Светлой памяти морских пехотинцев, павших в боях за мой родной город, посвящается.

Автор хотел бы также выразить свою искреннюю благодарность людям, помогавшим ему в написании книги своими советами и информацией. Особенно это касается новороссийских краеведов Нелли и Сергея Александровича Санеева.

Не все из помогавших захотели сообщить свои имена для выражения благодарности им, но их помощь не забыта.

Глава первая

Поезд «Москва – Новороссийск» стоял на станции Тоннельная, и меня уже охватывало нетерпение: когда же наконец он тронется? Да, я помнил, что стоянка десять минут, а потом мы тихо въедем в первый тоннель. Справа будет мокрый склон горы – видимо, там все время родники пробиваются сквозь земляную толщу, – а слева будет только бетон. Зажгут дежурное, или аварийное, освещение – не знаю, как правильно это назвать. За окном тоже будут гореть фонари в самом туннеле... Раньше я здесь начинал окончательные сборы, переодевался в парадное (ну, скажем так) из вагонного, складывал вещи в сумку или чемодан, выбрасывал остатки еды и прочий мусор. Но сегодня меня от нетерпения проняло аж в Крымске заняться этим, поэтому все уж было готово к Тоннельной. И даже раньше. Прямо подмывало поскорее собраться. А поскольку оба попутчика выходили в Тоннельной, то это было лишним стимулом.

Вагон опустел, и я прошелся по нему, борясь с нетерпением. Да, так и есть: люди остались только в четырех купе. Ну да что еще ждать от сентября – народ схлынул к началу учебного года, теперь их будет куда меньше. Впрочем, я тут не был уже три года, вдруг что-то изменилось по сравнению с прежним временем. Ладно, у меня все равно вопрос с жильем решен, а вот с остальным – увидим. Я так хотел этого

«увидим», что не мог сидеть в купе и все время вскакивал и ходил. Хотя мне дали только надежду на то, что все изменится, а вот сбудется ли эта надежда? Я три года надеялся и уже стал думать, что все осталось в прошлом, и вот теперь...

Давно не жил в Новороссийске, бывая там только в отпуске, особенно после того, как родители переехали к брату в Волгоград.

Вот четыре года назад я, приехав сюда, встретил на улице Ирину и влюбился в нее. Потом она приезжала ко мне в Брянск, мы переписывались, а потом – разрыв... Так что я сюда перестал ездить – было больно ходить по улицам, на которых я не встречу ее. Потом стало легче, а еще позже выяснилось, что Ирина теперь сожалеет о разрыве и готова все изменить в отношениях на то, что было прежде. Так что я еле дождался сентября, благо у нас на работе случился период «мертвого сезона» с новыми заказами.

Вроде уже пора трогаться, а мы все еще стоим и стоим. Нет, надо сесть и посидеть... Проводники обычно просят по вагону при прохождении тоннеля не бегать, а сидеть в своем купе. Поэтому я сел, насильно заставив себя. Нетерпение заставляло сердце рваться из груди, потому я и отвлекал себя: вот сейчас тронемся, доедем до мокрого склона, потом будет темнота туннеля, потом выедем на свет. Справа вдали будет станция Раевская, а слева какие-то домики, в которых живет охрана туннеля, а шоссе на Новороссийск останется сверху. Потом мы проедем второй, меньший туннель, а сверху будет

перевал Волчьи Ворота, а впереди...

...Зашипел воздух в тормозах. Сейчас, наверное, тронемся. Но мы не двигались и не двигались. Мне отчего-то захотелось спать, и я привалился к стенке купе. Вот не вовремя меня пробило: доуговаривался, досамоуспокаивался и досамозатормозился. Ну ладно, делать-то до вокзала все равно нечего, только переживать. А поезд будет тащиться, словно нарочно, медленно: то в Гайдуке тормознет, хотя в расписании там стоянки нет, то неспешно протащится вдоль гаражей за Кирилловской петлей, да и потом на Мефодиевке он не летит стрелой... Ну даже если засну, то разбудят. Дальше Новороссийска поезд все равно не идет. Как ни пытайся, но сильно за вокзал не продвинешься, не получится. Я попытался вспомнить, где кончаются железнодорожные пути – на Шесхарисе или раньше. Смог вспомнить только, что они есть у довоенного Дворца цементников, но вот дальше куда они уходят, память отказывалась сообщить. Пути явно куда-то сворачивали – наверное, на электростанцию.

Да, Дворец цементников, один из двух, которых нет, хотя они и есть оба. Не повезло с этим парадоксом комбинату «Новоросцемент». Первый из них построили до войны, и торжественное открытие должно было быть в июне сорок первого – может, даже и двадцать второго июня, тут я точно не помню, – но началась война. Через год дворец оказался на линии фронта, который простоял там целый год. От него уцелели одни стены, и те не в комплекте. После войны реши-

ли оставить его как памятник обороны города. Развалины, наверное, даже укреплять пришлось, чтобы не упали. И без дворца цементники жили лет тридцать-сорок, но начали-таки снова строить, уже на другом берегу бухты, за городским пляжем. Возвели коробку, и тут всё затормозилось. В конце восьмидесятых много объектов так перешли из долгостроя в недострой, а с тех пор денег на его достройку не появилось. Так и украшают город руины двух дворцов культуры цементников с обеих сторон бухты. Новые, конечно, выглядят лучше, хотя я их уже давно не видел, вдруг и они уж завалились, ибо дожди шли, вода затекала, арматура десятилетиями ржавела... Спать хочется все сильнее. Поезд все никак не движется. Что же это меня в сон так клонит, мокрая гора так влияет, что ли? Никогда такого не было. Или я так изнервничался, что у меня все душевные силы вышли?

Перестал бороться с дремотой и прилег головой на желтую кожу чемодана. Стало как-то прохладно. Бывает такое, когда сложно задремать, но как согреешься, так и задремлешь... Перед отключением мне только подумалось: лишь бы не въехать в море во сне, а дальше – уже всё...

Увы, дурные мечты сбываются. Вот мечтаешь снова встретиться с Ириной и чтобы все снова стало как и прежде, так три года ждешь, но едва теплится, как церковная свеча, надежда... Да и того, когда другие мечты исполнятся, ты можешь не дожидаться... А тут вот пожалуйста, подумаешь почти в шутку, и сразу же получи и распишись! Подумал так

и заснул, а проснулся мордюю в море. Неужели, пока я спал, поезд проскочил стрелку, въехал в порт и с причала нырнул в пучину. И куда же я тогда выплыл? А в кучу водорослей, наполовину сухую, и теперь еще ленивая волна мне голову и плечи окатила. Полный рот горько-соленой воды, ибо я его только что разинул, а на радость мне волна и вкатилась в него. На карачках, отплеываясь и ругаясь, отполз назад, через полосу мокрой гальки, и оттого следующая волна меня не достала.

Тело себя чувствовало неудобно, как после дурного сна днем. Из-за того и днем спать не люблю – устанешь, ляжешь спать и часок подремлешь, а потом и не рад, что заснул. И голова болит, и мышцы какие-то как перемятые, и пить хочется, и прочие удовольствия. Но хоть и нет любви к дневному сну, иногда никуда от этого не денешься, особенно когда устанешь как собака. Так что и сейчас я чувствовал все сто процентов возможных гадостей от дневного сна. Сколько их бывает – так все сейчас есть, и ничто не забыто. И как я в это место попал, и где это я влез в воду? Ну, хоть морская, а не речная, как в Цемесе и Мысхако – тогда бы не только отплеывался, но и стираться пришлось, больно вода в этих речках мутная, а кое-где и зловонная, как в киплинговской реке Лимпопо. В море все же вода почище, хотя можно и там себя порадовать и грязью, и мазутом, правда, мазут сейчас в море встречается пореже, чем в моем детстве. Но что-то гнетет мою душу, и пока я встаю с четверенек, как-то не так себя

чувствую, и это не только оттого, что голова болит, а словно я стал сам по себе какой-то не такой и не так руками двигаю. И не зря это меня гнетет, ибо глянул я на свои руки и вижу, что они не те, что были у меня в Тоннельной и раньше. И на них не рукава рубашки, а какая-то знакомая одежда, только не моя, и не джинсы на мне, а солдатские галифе, какие я уже сто лет не носил. Ну, правда, сапоги можно считать что мои, хотя они должны остаться в кладовке дома, ибо в них только разное по хозяйству творю, особенно в мокрую погоду, а чтобы на юг взять в отпуск – до такого не додумался. И ремень с якорем на бляхе! У меня такого сроду не было, со звездой еще валяется где-то в чемодане, вместе с вещами, что уже не понадобятся, но выкинуть еще жалко. И сам я какой-то не такой. Пониже ростом, как мне кажется, но при этом покрепче, и такие накачанные руки у меня были только на службе, потом уже столько тяжелого таскать не приходилось. Поднял руки, лицо потрогал – вроде как бы такое же, в основном. Немного ободранное, и водоросли поприлипали, побритое, но щетина уже пробилась, как во второй половине дня, вот только куда делись усы? Стрижка, опять же, как в армии была. В иное время я так коротко не стригся, хоть битловской шевелюры даже в школе не носил. Мышцы болят, как будто я не с полки встал, а огород вскопал, но чего-то серьезно болезненного не ощущаю, есть не хочется хоть и... Стоп, а это я или не я? И если не я, то кто же? От этой мысли мне стало дурно, и я, отшатнувшись назад, сел

на камни. Получилось очень чувствительно, ибо камни попались не мелкие.

Потер пострадавшее место и, преодолевая дурманящую слабость, продолжил исследовать то, что вокруг оказалось. Как выяснилось, сел я не на камень, а на винтовку, и рукоятка затвора мне оставила след на правом «полушарии». Ну, хоть не на штык, да еще и с размаху. Время сейчас, наверно, ближе к вечеру, но стемнеет явно не через пару минут. Пейзаж перед глазами и знакомый, и незнакомый: горы те самые, бухта та самая, но вот берег далеко не тот, и та часть города, что вижу отсюда, явно мне не известна. И что это все значит? Почему на мне какая-то старая одежда, причем форменная, и рядом старое оружие? Сейчас такие винтовки продаются как охотничье оружие, и я даже своему знакомому Владу помогал, рассказывая, как она устроена. Но даже с охотничьим оружием нельзя по городу бегать без чехла. Вроде место я примерно представляю: район кинотеатра «Нептун», но это я определил по противоположному берегу, а здешний берег и все, что на нем есть, не узнаю совершенно.

«И что все это значит?» – снова спросил я себя. Ответ пришел, только сознание его не выдержало и погасло. Без него я валялся вроде как недолго, потому что еще не стемнело. Как только я оклемался и вспомнил свои открытия, так подхватился и побежал. Такого дикого страха я никогда не испытывал и даже описать не могу, что это был за страх. В книгах было выражение «животный страх», но я его всегда

воспринимал как символическое, и термин сей авторы переписывают по привычке. Возможно, такой ужас был бы у меня, если бы я истово верил и обнаружил сейчас, что у меня за спиной стоят взаправдашние черти, которые вот-вот поволокут в адскую бездну. Но в этом безумном рывке была своя система и своя правда, потому что я смылся с голого пляжа и влетел в полуразбитый пустой дом, где затормозился и огляделся.

Никого вокруг. Вот и славно, сяду сейчас и до следующего приступа паники посижу и снова подумаю горькую думу: куда ты попал, бедный Робин Крузо, и чем это тебе грозит, горемычному? Особенно при условии, что я ни черта не слышу, уши как будто заклеены, причем каким-то хенкелевским клеем, то есть намертво. Голова болела, но работала, оттого выдала, что я явно не в своем теле, потому что на левой кисти обнаружилась татуировка якорь, которой у меня не было, зато родинка на другой куда-то делась. В конце концов я пришел к выводу, что нахожусь не только в не своем теле и не своем времени, а еще как бы и на войне. А вот какая война может быть вокруг? Форма явно разношерстная: галифе армейские, сапоги тоже, а вот форменка флотская. На голове убора нет. Какая-то сборная солянка. А когда такое может быть? Либо это Гражданская война, где кто что нашел, то и носил, судя по кино, либо Отечественная, потому что на фото я видел морских пехотинцев, так вот и одетых: частично флотские вещи, частично армейские. Трехлинейка могла

быть хоть там, хоть там. Я на нее глянул повнимательнее и получил следующую дозу убойной информации: винтовка, судя по прицелу и патроннику, советская, ну и брезентовая сумка, которую я тоже подхватил, даже не заметив, довольно знакомого мне вида: в армии она не совсем такая была, вот этого кармана сбоку не было, но фасон узнаваем. Наличие их в Гражданскую у меня вызывает сомнения. Какие-то там противогазы были, но сколько я ни глядел кино и фото про это время, там ни на ком противогаса не было видно.

Теперь я, кажется, знаю, где я и когда я. Осталось только очередной раз сознание не потерять. Это не вышло, но хоть не надолго отключался, ибо я очнулся от того, что уронил винтовку себе на ноги. Входя в меридиан, я обнаружил, что еще и обоняние у меня не работает. Вот тут рядом опрокинута кастрюлька с каким-то супчиком, но запаха я не чувствую. Да и ведь не только супчик, вообще ничего не чувствую носом! Зрение, слава небесам, еще есть, и даже практически прежнее, ибо в окошко видна та сторона бухты и города. Трубу цементных заводов на том берегу я различаю, хоть они все же не такие, как мне знакомы. Дальше заглянуть мешает рама.

Учитывая свои скорбные дела, не мешает еще раз поглядеть на винтовку, а также в эту самую сумку, потому как если это правда война, то боец с винтовкой, но без патронов – это живая мишень, причем почти безответная, ну, если не считать штыка и приклада. В винтовке оказалось четыре па-

трона, а в противогазной сумке самого противогаза не было, зато полно всяких полезных вещей, в том числе и десять полных обойм. Но штык сломан. Кто и как его сломал, у меня нет ответа, и нет счастья в моих глазах, глядящих на всё это. Одно радует, что мне не полтинник стукнул, а сорок лет, потому, хоть и мне хреново, как при брюшном тифе (состояние мое сейчас напоминает тот прежний горький опыт), в сорок лет инфаркт или кондратий меня вряд ли трахнут, чем мне остается только утешаться. Правда, в запасах есть еще один недостаток: нет с собой фляги, зато есть махорка, хотя я никогда не курил. Это снова наводит на горестные размышления о мировой справедливости, которая некурящему посылает махорку, но отнимает прежнюю жизнь. Причем не только у меня она отнимает жизнь. Если это тело какого-то паренька из тех лет, то что с ним произошло? Я его убил своим вторжением, или он сейчас в отключке, а когда я без сознания падаю, то он лихорадочно вспоминает, отчего это он думает о незнакомой ему Ирине?

Или мы поменялись телами, и оттого я здесь в водорослях мордой копаюсь, а он не может понять, отчего это ему предлагают покинуть вагон и идти куда надо, а не бежать в атаку, и все вокруг совсем такое незнакомое? Подумав так, я ожидал очередного отлива крови от головы с серьезными последствиями, и мне опять плохо стало, но сознания не потерял. Но что же мне делать дальше в этом времени и в этом теле? Дальше куда деться, за кем или куда бежать и от чего?

Чужое тело или уже свое, чужое время или уже тоже свое? Я подумал, что вдруг это не война, а какое-то будущее с апокалипсисом, ядерным или каким-то другим? Мне не стало плохо, организм это воспринял как глупую мысль и на нее обмороком реагировать не стал. Значит, когда я думаю про войну, мне становится плохо, и это потому, что правильно думаю? А когда про всякие книжные идеи, то это неправильно, и организму на игры разума плевать? Вообще нельзя просто сидеть на основе ровно (хотя я лично бы и согласен так делать, пока не подопрет). Но чем все это кончится, если я сидеть буду? И кажется мне, что плохо выйдет.

Коль не сидеть, то надо бы своих найти, тогда и пойму, что делать. А если искать своих, то надо бы знать, кто я такой в этом прекрасном и яростном мире, ибо должны у меня, быть документы того, кто, в отличие от меня усы брил. И они нашлись: Винников Андрей Иванович, двадцать второго года рождения, комсомолец, принят в его ряды Орджоникидзеградским городским комитетом (стало быть, в Орловской области)¹. Хорошо, что его зовут так же как меня, хоть путаться не буду. Фамилия у меня отличается, но выбирать не из чего.

Да, Гражданская война и ядерный апокалипсис отменяются. Зомбиапокалипсис тоже.

¹ Город Бежица, носивший и другое название – Орджоникидзеград, до 1943 года входил в Орловскую область, а позже в Брянскую. Еще позднее слился с городом Брянском.

Так, а что я здесь делал и как попал на сушу? Вроде как тогда при подходе немцев к военно-морским базам формировались части морской пехоты из тех, кого флоту удалось собрать из береговых частей и с потопленных кораблей. Их вооружали и в бой посылали. То есть я могу быть и с потопленного корабля, и с какой-то береговой батареи, зенитчик, ну или матросом с берегового склада. Вот дали мне винтовку, патронов и послали в бой. Пока понятно. Где я или не я служил – нет ответа, и идей тоже нет. Ладно, это потом... Ну, вот послали меня в отряд или батальон морской пехоты, я, скажем, только туда пришел, и сразу же как кинули маршем на север, а потом в бой. То, что я в пехотном бою мало что смыслю (служба у меня была такая), моменту соответствует. Кто там из береговых артиллеристов или с берегового склада в этом много понимал! Кто мной командовал? Ну, какой-то лейтенант, мне его показали, фамилию назвали, но она как-то вылетела из головы. Не то Еременко, скажем, не то Егоренко, нет, Егоров! Увы, не успел запомнить. Правдоподобно? Наверное, да. Я своего первого комвзвода видел раз в две недели, он все где-то мотался, а ведь мы все время на одном месте сидели. Второй взводный уже каждый день на глаза попадался, а тут в бою сегодня видишь, завтра уже нет. В общем, все мутно и непонятно. А кто я? Да лучше сказать, что на складе служил. Должен же в базе быть склад РАВ, то есть тогда он называться должен как-то не так. В общем, какой-то там для артиллерийского вооружения и стрелкового

тоже. Мины и торпеды тоже где-то лежать должны, но я в них ничего не смыслю. Поскольку все два года служил на базе вооружения, то что-то про склад вооружения сказать могу, и даже правдоподобно. Как раз у нас на базе лежали не современные автоматы, а старое вооружение, так я и на ящики посмотрелся, и на их содержимое.

Ладно, но это еще не все, мне ведь нужно понять, какой день и где сейчас идут бои, а исходя из этого туда уже идти. Слышать я еще (или уже совсем) не стал, что здорово раздражает, но видно, что бой идет в районе цемзаводов. Там что-то горит, вспышки какие-то видны. Где-то неподалеку тоже рвется, я этого не слышу, лишь ощущаю содрогание земли. Судя по погоде и боям на цемзаводе, сейчас сентябрь сорок второго. Через год тоже были бои, но у меня должны были быть погоны. Стоп, а я уже что – тело приватизировал и своим ощущаю? Родители мои, быстро приспособился, аж самому страшно и удивительно!

Эту часть города² немцы заняли. Надо думать, это уже произошло или вот-вот случится. Поскольку я в истории городских боев не очень силен, то ориентироваться надо на то, что знаю точно. А точно знаю, что немцев остановили около десятого сентября возле цемзаводов. Вот эта высота Сахарная Головка ими была взята, но дальше нет – ни Шесха-

² Город Новороссийск лежит на двух сторонах Цемесской бухты. Сейчас герой находится на западной стороне и смотрит на Зацемесскую сторону, которая не была полностью занята немцами.

рис, ни шоссе за городом. Но сторона, где я сейчас, была у них, пока в феврале не высадили десант. Мы в школе вечером третьего февраля ходили к месту высадки. Тогда холодно было и ветер, но нас специально повели, чтоб мы немножечко увидели, что такое в феврале ночью на ветру в воду прыгать и бежать на берег. Еще наподобие того показали в Аджимушкайских катакомбах, когда нас по этим подземельям водили почти без света. Ощущение было такое, что каменный свод над головой вот прямо сейчас свалится на нее. Так что мне вон туда, на тот берег, там точно свои. Только передо мной несколько километров воды – вся бухта, а я столько никогда не плавал. Мама мне говорила, что в молодости она бухту переплывала и ее старший брат тоже. Его жена тоже пробовала, хотя она не всю бухту переплыла, а доплыла до военного корабля, что на рейде стоял. Бдительные матросики ее из воды выловили и грозно спросили, что она здесь делает. Тетя ответила, что на спор бухту переплывает. А на что спорили? На килограмм шоколадных конфет. В итоге ей поверили, что не шпионка, и отпустили. Спор она выиграла, потому что переплывать осталось немного, а остановилась она не сама, а ей помешали.

Сколько я сам плавал? А как бы не больше двухсот метров подряд. И как мне это сделать и не утонуть – вот этим вопросом я и занялся, и работа отвлекала от мыслей о том, что со мной, от которых меня выбивало из сознания. В итоге я стал строить плотик, чтоб за него держаться, а плыть в основном

работая ногами. Когда устану, то буду отдыхать, держась за него. Эх, мне бы надувной матрас моего детства... Тут пришлось разными способами повыдергивать гвозди из стен и разваленных деревяшек. Сбив плотик, я его еле-еле допер до воды и через мелководе. Мне жутко повезло, что никто из немцев до темноты не зашел в тот домик, где я трудился, да и за берегом не следил. Ракеты чуть в стороне взлетали, но была ли стрельба, я не знал, ибо уши не работали по-прежнему. Винтовочный ремень и ляжку сумки я закрепил гвоздями, запутав вокруг практически узлом. И еще подобранной веревкой прикрепил себя к плотнику, обвязав ее вокруг пояса. На то, что патроны и вещи подмокнут, пришлось плюнуть. Укрыть от воды я мог только документы, ибо у Андрея имелась небольшая железная коробочка с плотно притертой крышкой. Я надеялся, что туда вода не проникнет. Штаны и сапоги остались на берегу. Плыть в них я не рискнул, как ни жалко их было. Дадут ли мне хорошие сапоги по ноге или какие-то прогарные ботинки? Кто же скажет заранее... Но плавать через бухту обутом – совсем неудачное решение, а сохранить обувь, взяв с собой, никак нельзя. Я ведь не на катере плыву, где есть место. Прощайте, яловые, недолго вы мне служили!

Уже позже, когда плыл, пришла мысль, что немцы их подберут и обрадуются, потому надо было хоть испортить. Впрочем, я уже немало прожил на свете и знаю, какие хорошие мысли приходят с опозданием. «Чтоб я был такой ум-

ный до, как моя Сара после». Норд-ост был несильным, если судить по берегу, но на воде он разводил волну, так и целлящуюся мне в лицо. Есть ли в бухте течения, я не ведал. По идее, должны быть какие-то. В мирное время, когда плывешь от пляжа к буйкам, мимо проплывают по бухте катера и крупные суда, а от них волна идет, и тебя качает – когда раз, а когда и два. Сейчас этого нет, но есть другая опасность – снаряды. А они периодически надо мной пролетали. Звук снаряда-то я не слышал, но часть из них шлепалась в море, выдавая себя столбом воды. Возле меня они не падали, а то бы... Можно даже и не очень близко, вполне хватит для заплыва ровно вниз, а не вперед. Были и трассы. Устал я довольно быстро, потому и все чаще стал делать перерывы, но как только пытаешься лежать на поверхности воды, то сразу ловишь себя на мысли, что вот ты тут лежишь, а сейчас на тебя свалится мина или снаряд. Конечно, это ерунда. Я ведь не знаю, кто там далеко от меня устанавливает прицел и целик, и когда меня его труды настигнут. Ведь это произойти могло и когда я плыву, и когда лежу и отдыхаю. Суета сует и томление духа. Хотя сермяжная правда в этом есть. У каждой системы своя дальность, и чем дальше она стреляет, тем более редка. Потому, отплыв от берега на километр-два, я уйду от многочисленных минометов, которые передадут эстафету дивизионным гаубицам, которых меньше, и вообще тут они могут не оказаться.

В районе цементных заводов явно шел бой, потому что

периодически там были видны трассирующие очереди. Не то кто-то ими стрелял снизу по горе, не то прицел завывшал. Но это я видел только вначале, дальше я от усталости впал в какое-то исступление и просто упорно греб ногами и одновременно держался за плотик. Устав, отдыхал и возобновлял греблю. Ногой, другой, ногой, другой, волна в лицо, сплюнул, снова ногой. И опять волна в морду, опять сплюнул, опять ногами... Такая вот механическая работа, и ни до чего... Все болит, во рту от горькой воды ощущения не из лучших, глазам тоже больновато от этих брызг, в мышцах тупая постоянная боль, и она выматывает. С ней ни о чем думать невозможно. И постепенно тебя прямо-таки пропитывает холод, он заполняет тебя всего, от пальцев ног и выше. Пока гребешь, еще ничего, остановился – и начинаешь дрожать. Потом и это не ощущалось – такое вот всецело тупое ощущение: и тупая боль, и тупая усталость, и в голове тоже тупое ощущение. И тупо ногой, другой, ногой, другой... Однажды было прояснение, что меня явно сносит вправо, потому что трассы из района цемзаводов явно сместились левее. Хорошо ли это или плохо, что сносит – а черт его знает! С одной стороны, чем дальше ты отплывешь в сторону Кабардинки, тем менее вероятность нарваться на немцев или на снаряд от цемзаводов. С другой – чем дальше тебя сносит, тем дольше ты плывешь. Так и совсем без сил останешься. Уж не знаю, может ли меня вынести из бухты течением в открытое море. Хотя и не хотелось бы этого. Но пока левой,

правой, правой, левой. Сентябрь на Черном море – это не на Баренцевом, здесь купаться обычно еще можно, но длится ночь, и вода остывает. А прогреется она нескоро, уже когда солнышко над перевалом вылезет, да и то не сразу.левой, правой, правой, левой, на дворе ночь, впереди на берегу яркие вспышки огня. Видимо, это работает батарея Зубкова. А сколько до нее – не знаю, берег еще далеко, горы-то здесь высокие, под семьсот метров, оттого их силуэт виден даже ночью. Есть ли луна – фиг его знает, мне так не видно, а шею свело, не повернешь и не посмотришь. Лучше бы, конечно, не было, чтоб меня не заметили на лунной дорожке. А и заметят – что с того? Для пулемета я отплыл уже далеко. Хотя днем бы меня, может, от безделья и выцелили, расстреляв до черта патронов, а ночью – а вот фиг! Расходовать же снаряды на одиночного пловца не будут. Ну, я так думаю.

Ночь все длилась, я куда-то плыл темной ночью к темнеющему берегу. Сколько это продолжалось – не готов сказать, просто загребал, как автомат, точнее, как с трудом работающий автомат. Всегда ли я был в сознании, или впадал в какой-то транс, или вообще отключался – не знаю. Если и отключался, то и в этой отключке всё было, что и наяву – темнота, холод, усталость, вкус крови во рту, иногда влезающий в предыдущий вкус горечи, автоматическое продвижение. А куда – тоже не готов сказать. В общем, греб, наяву или в отключке, пока нога не ощутила под собой опору.

Вот когда я это почувствовал, то замученный холодом и

усталостью мозг наконец вышел из этого состояния и выдал, что на моем пути островков нет – значит, это я у берега где-то, потому что близ берега бывают большие камни. С такого ступишь – и ухнешь по шею или даже с головой, если ростом невелик. Я поводил плохо слушающимися ногами по опоре – да, есть площадка, где-то метр на метр будет. Дальше я не щупал, побоявшись сорваться с камня. От плота я не оторвусь, но захлебнуться в таком состоянии вполне возможно. Да, сквозь тьму впереди виден обрыв. А другого пейзажа здесь быть и не может. Весь берег от города до Кабардинки обрывистый. Под ним, конечно, есть участок галечного пляжа, где на шаг, где на десять, но все такое же. Лучше только уже в самой Кабардинке, ибо туда в море впадает река Дооб, устье которой – это уже приличный пляж большой ширины, может, метров триста или больше. Бывал я на нем еще в детстве, потом он мог казаться прямо гигантским, даже больше, чем есть. Нельзя исключить и этого. Но все равно. Я ведь не танк с собой тащу, а всего лишь себя.

Метров через двадцать, показавшихся мне верстой, я добрался до уреза воды. Да, если дальше – уже все, сухие камни. При этом я отодвинулся в сторону от плотика. А вот теперь что делать? Нужно сидеть и ждать рассвета. По-другому нельзя, как бы ни хотелось вылезти и обсушиться. И причина этому – противодесантная оборона, которая может быть тут. Немецких десантов ждут, потому что под этой галькой может оказаться противопехотная мина в цементном корпусе,

чуть дальше – проволока или «чеснок», а сверху на пляжик может глядеть Дегтярев. Услышит его наводчик, что я ползу, камнями шуршу, и вдарит на шум, а потом спросит: «Стой, кто идет?» А уже никто не идет, все лежат и воют, не в силах встать. Поэтому надо сидеть и ждать, когда рассветет: тогда и мину с проволокой можно увидеть, да и пулеметчик сначала спросит, а потом выстрелит. Ночью-то будет наоборот. Но как же с точки зрения возможности задубеть от холода? А никто не обещал, что будет легко и приятно. Поэтому я сидел в воде и ждал рассвета.

Противодесантной обороны именно здесь может и не быть, но ошибиться в игре «есть мина или нет» очень не хочется. Отчего я сидел в воде? Потому что считал, что когда ты весь сидишь в ней, то меньше теряешь тепла, чем когда сидишь наполовину высунувшись. Вот это мокрое твоё тело, что наполовину торчит из воды, и будет терять тепло. Может, я в этом и ошибаюсь, ибо электрик и строитель, а не медик, но так я думал, и так я сделал. Хуже или лучше от этого будет – еще не знаю. Но хоть пнем по сове, хоть совой по пню – это сове не принципиально, если не сказать ярче. Вот так я то дремал, то просыпался до света, только предварительно винтовку и сумку выложил вперед, на сухое место. Просохнуть сумка все равно до утра не успеет, но незачем ее продолжать увлажнять. Винтовку после бухты не грех бы и протереть и прочий марафет навести, но на мне и так сухой нитки нет. Нечем, и у прежнего хозяина даже ружейного масла нет. Или

я, когда бежал в домик, все это обронил? Ладно, будем ржать вместе с нею.

Проснулся я на рассвете от холода и грохота орудий вдали. За ночь уши включились в работу. Что с ними стало сейчас, и что тогда их отключило, кто знает... Но я втянул воздух носом – опять ничего не чувствую. Солнышко скоро и через хребет перевалит, а мне пора искать дорогу отсюда, пока от холода руки с ногами не отказали и я не замерз как поллярник у теплого моря. Никого над собой я не вижу, только обычный прибрежный пейзаж равнодушно глядит на меня. Дескать, много вас таких на меня вылезало. Метрах в десяти подымается высокий обрыв из разнослойных пород. Часть таких слоев мергеля наискось, как ребра из говяжьей туши, торчит из берега. Я раньше, бывало, когда на таком берегу купался, за подобный выступ заходил и переодеться мог, не нарушая общественного благонравия. До обрыва – галечный пляж, который здесь тоже обычен. Найти песчаный – это надо очень постараться. Я таких лично ближе Анапы не знаю, но допускаю, что не везде был. На обрыве растут дубы, чьи корни частью свешиваются с него. Посередке расселина, которую промыла небольшая речка. По ней можно и на обрыв подняться. Сейчас воды в ней почти не видно, но мне бы не помешало попить. Когда воды немного, речка уходит через галечный пляж, как через фильтр, ну и волны моря тоже замыкают ее устье галькой. Такое вот и у речки Мысхако, и у Озерейки, и у множества мелких речек. Насчет Дюрсо не

помню, был я там так давно, что этой детали память не сохранила. Заграждений я совсем не вижу, кроме естественных неудобств, а вот минами надо заняться. Подтянул к себе винтовку и стал использовать обломок штыка как щуп. Держать так винтовку было тяжело, в минах я не разобрался совершенно, поэтому, найдя, не знал бы, что с ней делать, кроме как обойти стороной. Но штыком и руками ковырял галечную россыпь. Для полного счастья не хватало еще и колышков, чтоб проход отмечать, но где ж я их здесь найду? Пару деревяшек найти еще можно, но не на весь путь. Руки тряслись, тело тоже сотрясала дрожь, во рту – аж прямо пустыня Сахара и вся соль ее, какая там найтись может. Но не вечно же будут длиться эти десять метров, а там, в расселине, будет земля помягче, речкой принесенная, да и можно попробовать по этому ребру породы взобраться.

Вот в него никто мину не засунет, ибо недаром такую породу в просторечии зовут «трескун». Одно из происхождений такого названия: когда кинешь кусок такого камня в костер, он там трещит и может даже брызнуть осколком, как граната, но сам по себе камень слоистый и боится даже несильного удара лопатой или каменюкой потверже. Кое-где можно его и голой рукой расшелушить. Когда мой крестный путь до речки закончился и я уже был готов попытаться встать, сверху раздался раскатистый хохот.

Он ударил по мне хуже, чем пулемет, прямо-таки раздавил и размазал по пляжу. Ибо такого я не ожидал. Я ждал

очереди, снаряда с другого берега, того, что мой псевдошуп наткнется на минный взрыватель, но не этого. Когда мозги смогли прийти в себя, я вскинул голову и увидел над обрывом двоих в красноармейской форме. Значит, это вы тут стояли, на меня смотрели, а теперь ржете, аки жеребцы стоялые! Хорошо же вам, паршивцам, было смотреть, как человек корячится, и совесть в вас не разыграла, что мне б легче было идти, чем так ползать и мину искать! Я собрал последние силы, прокашлялся и выдал им очередь ругательств. В дело пошел малый загиб, и из него они узнали, что я думаю о них и об их предках и потомках. Но эти жеребцы заржали снова, и тот, что был слева, сказал:

– Узнаю морячков! Сам еле ползет, но как ругаться – не забыл!

– И ругалка не размокла в море! – добавил второй и заржал снова.

Вот крокодилы низколетающие, не учили вас, идолищ, караульной службе! Постояли бы в карауле с мое, так работали бы по уставу и не ржали!

Я попытался встать и не смог. Ноги совершенно не держали, и сил ни на что не было, даже на то, чтоб в сознании оставаться.

Глава вторая

Очнулся я от теплого прикосновения к лицу. Что это было? Открыв глаза, я понял, что меня разбудило: солнечный зайчик, отразившийся от стекла форточки. Глянул вокруг: какое-то помещение вроде сельского дома, в комнате еще пять кроватей, кроме моей. Пол чистый. А на кроватях спят трое. Ох, это явно больница, раз у вот этого парня на голове шапка бинтов, а у вон того из-под одеяла торчит гипсовый «сапожок». Значит, что-то с мной случилось. И правда, чувствую я себя отвратно, как тогда, когда у меня брюшной тиф был, и сейчас явно температура высокая. Как только глаза продрал, было всё ничего, но прошла какая-то минута, и вот уже наваливаются жар и слабость. Стоп, вот вчера я плывал через бухту и промерз при этом как цуцик, но это вот было со мной или не со мной, или вообще приснилось?

Но тогда как же я попал в больницу, да и больница явно сельского типа, вроде в Новороссийске такого уже нет, чтоб кровати были образца, что старше меня, да и таких хаток под больницу тоже не осталось. Вот в районе такое возможно. Но тогда как же я попал в районную или сельскую больницу из поезда, что прибыл на станцию Новороссийск? Пусть даже что-то со мной на станции случилось и меня отвезли куда-нибудь, но ведь не в какой-то Глубокоболотский район! Даже если мне плавание через бухту в болезненном бре-

ду привиделось, то лежать я должен в городской больнице. Или меня уже в какую-то краевую больницу доставили? Вот в Краснодаре не лежал нигде. Может, это инфекционный барак какой-то или, не дай небеса, краевая больница для лиц со съехавшей крышей? Там я не был и не хочу быть. И пить-то не пью так, чтоб эти места из-за этого питья посещать. Хотя когда безумие придет, значит, это судьба. Может, все же я разумом подвинулся, оттого и в море полез, в нем плавал, и меня волна вынесла куда-то в Дивноморск или еще хуже, оттого вокруг и все такое?

Я попытался встать и в этом не преуспел. Выжатый лимон – это сейчас про меня, а выжатые лимоны лежат и ждут, когда их в мусор выкинут, ибо сами, как я сейчас, ничего не сделают. Вот я и могу только крутиться на месте. Может, какая-то нянечка подойдет – или как их сейчас называют – младшая медсестра? И даже случится это раньше, чем завтра? Не хватает персонала в больницах, а если это в глуши какой, то там, наверное, и еще хуже. Впрочем, этого сказать не могу, самая глубоко расположенная больница, куда я обращался, была в Севске. Но Севск – это хоть и небольшой город, но тысяч двадцать там народу живет. Не самый маленький город в нашей губернии, есть и менее культурно продвинутые. Но в их больницах я не бывал. Там, в Севске, и куснул меня чей-то пес за руку, когда я на монтаже трудился. Это было еще в фирме Юрки Полыхаева. И ранка невеликая, будь она не от собачьего зуба, а от стамески или гвоздя, я

даже бы и не перевязывал ее. Само пройдет. Но собака – и кто ее знает, вдруг еще и бешеная в довершение к тому, что дура? Пришлось тащиться в районную больницу. Или то была городская? В общем, больница и больница, где мне эту, с позволения сказать, рану помазали йодом, а в плечо вкатили прививку от бешенства. Хорошо хоть прогресс дошел и до прививок от бешенства, теперь их не колют в живот, и они не болючие до ужаса, да и всего надо привиться пять раз, а не десять. Я привился три раза. Прошло потом двадцать дней, воду я пить не перестал, значит, следующие две прививки уже не нужны. Поскольку за четыре года с тех пор не взбесился, то псина была не с вирусом в мозгах. Или это меня так с опозданием накрыло?

Впрочем, вскоре все разъяснилось. На мое шевеление и шуршание пришел ко мне сопалатник, которого мои попытки сдвинуться с места отвлекли от прочистки мундштука.

– Очнулся, Андрюха? Ну и славно, а то тут за тебя уж многие испереживались, и капитан из особого отдела, и ребята с твоей батареи, да и мы. Пить хочешь?

– Ага, – еле выдавил из себя я.

Губы прямо склеились. Э, значит, хорошо меня лихорадка трепала! К губам прикоснулась железная кружка. Ох, как это здорово, когда водичка по всему, что пересохло, потечет!

– А где я?

– В лазарете, вестимо. Я тут сам семь дён, а ты еще до меня попал. Так и лежишь, в жару весь пылаешь и что-то бор-

мочешь. Петька, вон, первое время прислушивался и удивлялся, что ты там такое говоришь. И что с него взять, молодой он ишшо, мало что видел. А я, вон, сам два раза тифом болел, так что нагляделся, как люди в тифу бредят. И сыпняк у меня был, и этот, как его, развратный, тьфу, попутал, возвратный тиф, во как. Тогда меня послушать – тоже бы всякую ересь нес, все сорок бочек арестантов.

А особый отдел? Да ходил тут капитан из него, и не один раз. Ты сюда без доку́ментов попал поначалу, вот и подозрение вызвал, что за человек, откуда и пошто беспаспортный. И ишшо лежишь в беспамятстве, оттого и пояснить не можешь, кто ты и откуда. Посидел он, послушал, что ты про какую-то Ирину рассказываешь, тем не удовольствовался и ушел, да наказал, чтоб его известили, как в себя придешь или что с тобой будет, потому как воспаление легких – это не фунт изюму, всякое может случиться. А тут кладовщик нашел у тебя коробочку с твоими доку́ментами. Про то капитану сообщили, а он уж и пришел снова, да еще и где-то нашел ребят с твоей батареи. Явились политрук и еще один паренек и сказали, что да, это наш замковый со второго орудия, только он от болезни сильно с лица спал, а так узнаем его, и якорь на руке, и шрам на животе от операции. Мы его в пехоту проводили, когда германец стал подходить, вот он и вернулся, хоть и в жару, но живой. Теперь с тобой все хорошо разъяснилось, что ты свой – признали тебя, и дезинтером назвать нельзя, потому как винтовку не бросил, а с ней через

море переплыл. Так что мы с тобой здесь двое артиллеристов. А остальные прямо все пехотные, как в старину говорили, кобылки. Правда, я уже сейчас старый, потому меня в обозные ездовые и взяли, а в германскую войну в артиллерии служил, в мортирном дивизионе. Против Колчака воевал на такой же должности, только батарея была отдельная...

Говорок убаюкивал, убаюкивал, потому я снова и заснул. Но спать долго не пришлось: зашла сестра – ей сказали, что я очнулся. Она доктора привела, а когда меня осматривали, то и разбуркали. Стали слушать, термометр ставить, давление мерить, потом вкатили укол под кожу (эх, и ощущения же были), дали какого-то порошка, еще раз напоили, и я снова впал в забытие. Так что я не попал в желтый дом, не вернулся в свое время, а продолжал житье-бытье в чужом времени и в чужом теле. Об этом стоило подумать, но голова на такое еще не была способна. Вообще болеть – это зло. Еще на обследовании можно лежать и наслаждаться безделием, а серьезно болеть – ну его на фиг, такое счастье. Особенно тяжело болеть тогда, когда медицина не такая, как в моем времени. Что бы там ни нудели недовольные ею, могу сказать, что из-за развития медицины они вообще могут жить и нудеть про несовершенство системы здравоохранения. И я не шучу. Они родились без родовых травм, потому что мамы их рожали не в поле у стога, а в роддоме, под присмотром врача и при операционной рядом. Треть их не умерла в первый год жизни, да и корь со скарлатиной – это сейчас неприятный

эпизод в детстве, а не приговор.

Сейчас мужики в сорок лет не чувствуют себя отжившими свое (про женщин не будем), а вот Пушкин, едва не дожив до сорока лет, ощущал себя старым, и не потому, что здоровье его было плохим. В его времена он вполне считался таковым. В тридцать восемь-то лет! И Геккерену, которому было чуть больше сорока, он писал, что посланник – какой-то там нехороший старикашка! Облонского Лев Толстой называл старым в сорок два. Хотя реальный Пушкин и списанный с какого-то помещика Облонский – люди, жившие весьма зажиточно даже по нынешним временам, то есть тяжелая жизнь их рано не состарила, это восприятие их возраста такое было. Раз пережил тридцать три года, значит, старый, и тут дело не в возрасте Христа. Столько именно жил в среднем человек в России, которую кто-то потерял.

А всеобщий кошмар – стоматология? Э, граждане, вы еще настоящего кошмара не видали! Могу рассказать. Был генерал Раевский, тот самый, который ребенком ходил в атаку вместе с отцом, и картечь остановилась на шеренге совсем рядом с Раевским-старшим, и от него самого тоже недалеко. А как он помер? От зуба. Сначала зуб болел, потом развился флюс, после – флегмона лица. Далее гной прорвался внутрь черепа, и генерал помер в, не побоюсь этого слова, адских муках. Воевал в трех войнах. Ни пули горцев, ни французская картечь, ни персидские сабли его не взяли, а погубил нелеченный зуб. Такое и сейчас случается, но больше по ту-

пому упрямству пациентов, которые перемогались и досиделись до близости адского пламени. А тогда это было нормой. Лечили богатого и известного генерала в общей сложности пять врачей, вокруг ходили, назначали каломель (слабительное) в лошадиных дозах, от которых пациента много раз пронесило, накладывали рядом с опасным гнойным воспалением искусственные гнойные раны. Так тогда было принято лечить. Пациент должен испражняться, вот потому и слабительное в конской дозе, а то, что он уже неделю ничего не ест, а только пьет сладкую воду с вареньем – это ничего. Слабительное – наше все. Кровь пускали, чтоб лейкоциты не боролись со смертельным воспалением, а в тарелке плавали или миске – не помню уже, что для сбора крови тогда использовали... Генерал от адских болей не спал ночами, только иногда забывался. Но это ничего. Ни снотворного, ни обезболивающего ему не назначили. Генерал героически вынес усилия кучи врачей и двух фельдшеров и помер. История умалчивает, сколько докторам заплатили за самоотверженную борьбу с запором у больного гнойным воспалением лица. Это произошло с богатым человеком, который мог вызвать сразу несколько докторов в довольно далекое от губернского города село и просить, чтоб они при нем почти месяц сидели и безуспешно боролись с совсем другим недугом. А что было бы, если бы то же самое случилось с бедным? Да лучше бы ему сразу помереть и не мучиться... Как бы меня тяжело ни терзали стоматологи – а они меня терзали

часто и много, ибо такова моя планида, – но все мои страдания с кончиной генерала Раевского не сравнишь. Потому не нойте, господа, бывает и куда хуже.

Это я вам пересказал монолог моей бывшей пассии – стоматолога. Когда я ей не поверил, Марина приволокла дореволюционную книгу и ткнула носом. Уела, что уж. Я прочитал и проникся. С тех пор к стоматологам ходил не так чтобы и часто, но чуть раньше, чем от боли на стенку полезу. Когда зуб уже болит, но еще не грозит отправить в страну подземного пламени.

Продолжая тему старого и нового лечения, могу сказать, что теперь у меня был опыт лечения пневмонии в свое время и в это. Естественно, вывод будет в пользу моего, а не Андреева времени. Не могу ничего плохого сказать про здешних медиков, но им бы хоть половину лекарств, что были в мое время. Когда меня продул ветерок в Керченском проливе, то лечили меня дома, не в больнице. Колоть ничего не кололи, давали только антибиотик в капсулах, а периодически я ездил в поликлинику на физпроцедуры: УВЧ, диатермия, еще что-то. Возможно, у меня тогда была легкая форма, легче даже, чем сейчас, оттого и дома был, и читал собрание сочинений Константина Симонова. Ну да, чувствовал я себя неплохо, и температура была очень небольшая. Единственным серьезным беспокоящим моментом был эффект от капсул с антибиотиком. Положено глотать их перед едой. Глотаешь, капсула доходит до желудка, и сразу идет позыв в туалет

по-большому. Никогда на меня так лекарства не действовали, но этот «незнаюкакцин» я больше и не ел. Его подбирали по чувствительности бактерий, так вот, на кучу антибиотиков мои бактерии плевали, а на него уже нет – передохли и унеслись в Черное море. Сейчас же антибиотиков мне не давали, ибо их и быть-то не должно было. Вроде как советский вариант пенициллина был только создан, а может, еще и не совсем готов. Порошок какой-то мне полагался, и назывался он «красный стрептоцид». Отчего его так обзывали – ей-ей, не знаю. Наверное, потому, что он, зараза, мочу окрашивал в неприятно красный цвет, да еще и горчил преизрядно. Еще меня регулярно терзали камфорой, горчичниками, банками. Когда температура круто лезла вверх, то растирали уксусом и заворачивали в мокрую простыню. Проходило время, и лихорадка снижалась. И еще давали тогда пирамидон. Я про него читал в книгах, но до моего времени он не дожил, по крайней мере, под этим названием. Удовольствие от всего этого было невелико. Пирамидон просто невкусен, камфара болючая, банки и горчичники нерадостны, лихорадке тоже радоваться сложно. Когда жар зашкаливал, я погружался в какое-то полузабытье. Вроде был тут, но и не тут, лежишь себе, как пыльным мешком из-за угла ушибленный. Соседи по палате говорили, что, бывало, я тогда и бредил. Но что я говорил под влиянием внутреннего жара – про то я не спрашивал. Незачем спрашивать, раз бредил. Слово говорит само за себя.

Раненые и больные прибывали и убывали. Бывало, очнешься после очередного пика лихорадки, а соседа уже нет. А куда это он делся? Дальше отправили. А Костя из Астрахани? Ответом станет неловкое молчание. А вроде вечером был ничего, или это было уже не вчера? Не всегда мог понять, сколько провалялся вне времени и места. Так длилось недели две, пока после приступа жуткого жара, от которого я чуть не расплавился, температура очень резко упала. У меня тогда чуть не зашкалило сердце, кололи камфару и еще что-то, кажется, кофеин, и всё же откачали. С тех пор я пошел на поправку. Вечером температура повышалась всегда, а днем уже редко, но сорокаградусного жара уже совсем не было – даже вечером. Конечно, и тогда было не сладко, но не угрожал уже печальный конец.

Я даже стал думать о будущем здесь. Пока мне было тяжело, я себя такими размышлениями не терзал. Что толку думать о дальнейшей службе, когда не знаешь, сколько тебе еще удастся протянуть? А вот теперь пришла пора подумать о будущем. Выглядел я, конечно, не здорово, был бледным, как простыня и наволочка, лицо аж прозрачным стало, и другое тоже не радовало. Но голова в основном работала хорошо. Оттого я и думал, как мне дальше быть в чужом времени и чужом теле. Про чужое тело я старался не думать. Что сделалось с душой прежнего владельца его, я не ведал, поэтому успокаивал себя тем, что, если даже и душа второго Андрея пострадала, то я в этом не виноват. Я ничего лично у него не

просил, ничего специально не предпринимал, чтоб попасть в его тело, и лично хуже для него не делал. Теперь это тело по мере возможности буду беречь, ибо пользуюсь и я им, а представится случай освободить квартиру от постоя – не буду упираться. Конечно, сейчас я как бы имею возможность считаться своим, никто меня не сочтет психом (по крайней мере внешне), есть документы, но о здешней жизни у меня только самые общие представления.

Есть ли у Андрея здесь родители или девушка, пишет ли он им, как я смогу узнавать его бывших сослуживцев, что за часть морской пехоты была следующим местом службы после батареи... Вот какие кучи вопросов я должен был решать каждый раз, и каждый следующий день они меня должны были ставить в тупик. В госпитале-то ладно, а вот когда выздоровел я – как быть дальше? Отправляют меня обратно на свою батарею, а где она находится, я не знаю. И дальше не лучше. Пусть даже как-то меня туда ноги сами привели, пришел, а мне навстречу идут ребята, с которым мы вместе служили, а я их совсем не узнаю. И это тоже не все. Приду на свое место при пушке или при чем там еще, а как мне с ним обращаться? Нет ответа. Только думаю я, что, судя по Андреевым мышцам, он явно работал с затвором тяжелого орудия, раз их так себе накачал. Может даже, он развивал мышцы при помощи тяжелых предметов, перенося их, а насколько тяжелых – думаю, что килограммов и до пятидесяти.

А вот теперь почувствуйте себя Шерлоком Холмсом и

найдите самого себя дедуктивным способом. Я хоть и не джентльмен с Бейкер-стрит, но мысль выводит на то, что если с батареи люди ко мне приехали, значит, она неподалеку и никуда не делась. Если бы она была подвижная, то с нее бы матросов в морскую пехоту не брали, она бы сама их поддерживала постоянно. Значит, она стационарная. Тогда с нее на защиту Новороссийска людей брать можно, поскольку она стрелять может не всегда: мешает рельеф и прочие вещи. Итого: батарея где-то неподалеку, стационарная, флотская, а раз я в форменке, то на батарее я замковый на втором орудии, и мышцы накачал грузом до полусотни килограмм. Вот условие задачи, и вот дедуктивный ответ на нее: батарея под Геленджиком возле Голубой бухты. Стотридцатки. Номер семьсот четырнадцать. Трубят фанфары, и меня провожают в Москву на «Что? Где? Когда?», вручать стеклянную сову. На хрустальную еще не хватает интеллекта. А если я правильно вспомнил, что командиром батареи был капитан Челак, то «Хрустальная сова» вплотную приближается к моим рукам. Ну хоть отдельная деталь совы положена или нет? Ухо или коготь? Я ее достоин или еще нет?

Ладно, сова или филин, хрустальная или стеклянная, но надо закинуть удочку врачу, а вот, дескать, с чем связано то, что я помню последние события словно кусками, как Доцент после падения в вагоне: тут помню, а тут нет. И это я сделал, спросив осторожно, не знает ли он, с чем связано вот такое, что у меня в последнее время память как-то сильно постра-

дала. Вот про то, как в Бежице я на заводе работал и в школе учился, я хорошо помню, как в Севастополе после призыва обучался своему делу – тоже нормально, а вот дальше как-то похуже. Осталось в памяти, как командир батареи нас встречал с пополнением, а вот потом как полоса жизни выпала. Ни как работал на своем орудии, ни как меня в морскую пехоту отправляли, ни как воевал – нету этого всего в памяти. Снова воспоминания начинаются с переплывания бухты. Может так быть при воспалении легких или нет? Врач погладил бородку, подумал и ответил, что я, наверное, в бою перед своим заплывом получил контузию. Вот при ней бывает, что человек лишается памяти на некий промежуток времени. Ударило бойца взрывной волной или кирпичом из стены по голове, и у него пропадает память на предыдущие два часа. Это называется антероградная амнезия. Человек помнит, что было до этих двух часов, а потом полный мрак. Следующее его воспоминание уже о том, как поднялся с земли и понял, что ему чем-то по голове досталось. Может быть чуть иначе. Помнит все до удара, а потом ничего. А это уже называется ретроградная амнезия. Еще случается комбинация той и другой, тогда человек не помнит ничего ни до, ни после. Вышел утром из дому на работу, а очнулся в больнице на следующее утро. Что было между этими двумя утрами – укрывает туман неизвестности и беспомысленности. Но сутки для примера названы, а бывает и так, что человек многие годы своей жизни не помнит. Жена к койке подходит, а он на нее

глядит как на постороннюю гражданку.

Я спросил, может ли пройти это выпадение памяти, особенно на большие сроки? Два часа перед контузией – это еще ладно, но вот когда забывает жену и детей и все, что в ближайшие годы было? Военврач ответил, что иногда получается, а иногда нет. Может вспомнить часть забытой жизни, а может и ничего не выйти. Бывает, что человек совсем теряется и уже не способен жить нормальной жизнью. И возможен компромиссный вариант, что хоть и не вспомнит свою жену, но соглашается, что ладно уж, раз женат так женат.

Я поблагодарил и сказал, что, наверное, так и было, потому как у меня долго отсутствовал слух. Вроде такое бывает при контузии? Доктор подтвердил. Вот у меня и есть оправдание на случай чего, и даже знания пополнил. В разных кино и сериалах потеря памяти мне встречалась не один раз, иногда это было смешно, иногда скучно, но сценаристам этот ход очень нравился. Показывалось и про восстановление памяти, где-то даже я видел, что можно пропавшую память восстановить, если воссоздать ситуацию, при которой память потерял, и заставить страдальца пережить катарсис (если я правильно вспомнил термин). В общем, я лежал довольный собой еще с полчаса, пока мне камфоры не воткнули, спустив с вершин гордыни за землю.

Вскоре случилось расставание с этим госпиталем. Хоть я еще и долго долечивался, но здешняя моя жизнь и приключения закончились. Причиной расставания стало то, что я

флотский. Когда я нуждался в значительной помощи и перевод был опасен для здоровья, то меня и лечили. А теперь, когда мне уже куда легче, можно отдать и обратно во флот на долечивание. Я к тому времени уже рисковал ходить по коридору и в отхожее место, которое было неподалеку. Правда, потом долго отдыхал. Но пора и честь знать, санитарам и санитаркам и без меня тяжелых раненых хватает, чтобы за ними утки носить. Нельзя сказать, что перевод меня радовал. Ведь я оказывался там, про что не знал почти ничего. Была даже мысль: как бы сбежать в пехоту. Ведь бывало же, что дивизии формировали за счет морских бригад, несколько разбавив их состав чисто сухопутными бойцами из госпиталей и так далее. Но тут тоже было множество «но», из которых первым стояло то, что я еще был слаб и доковылять до той пехоты не был способен. Госпиталь наш располагался в районе Марьиной Рощи, и на марш к фронту сил бы не хватило. Оно конечно, можно было и попроситься подвезти на попутную машину, но бегать на фронт в госпитальном халате не лучшее решение для человека, что только что начал выздоравливать от пневмонии. Придется гореть в аду, как сказал Гекльберри Финн, когда был вынужден что-то там нарушить, но не нарушать ему было совсем нельзя. А вот что юный Гек там нарушал – увы, не помню. Возможно, курил. Или выражался богохульно. Поскольку перевести меня обещали не вот так сразу, а скоро, то оставшееся время я посвятил приему лекарств и болтовне с прочими ране-

ными и больными. Интересовало меня, как немцы воюют, и об этом я и спрашивал всех, кого можно. И это пригодится, ведь опыта-то от Андрея я не получил, а своего боевого у меня нет. А им скоро надо будет обзаводиться. Под Новороссийском активные боевые действия сейчас не идут, хотя бои местного значения все не прекращаются. Но в конце зимы дело сдвинется, и здесь и продолжится до следующего сентября. А еще раньше начнется под Туапсе. Далее Керчь и Севастополь. Это если я буду и далее в морской пехоте, а если в обычной, то дорога продлится еще дольше.

Стоп, я забыл, что морская пехота воевала еще на Дунае, аж почти до Вены, так что меня еще многое ожидает. Плавать так, как плавал, может, и не придется, но жизнь ожидает крайне разнообразная. Да вообще воевать под Новороссийском не здорово удобно. Грунт каменистый, только кое-где в долинах слой мягкого грунта доходит до дна окопа. А хоть камень и не сильно крепкий (по большей части), но долбить его – удовольствие еще то. После девятого класса на занятиях по НВП нас заставили вырыть окопчики возле лимана. В нормы мы не уложились, за отведенное время не глубже штыка получилось. Кирка нужна, чтоб здесь окопы рыть. И с ней не так быстро. Летом с водой напряженно, потому как пересыхают многие источники. И сам город вечно на голодном водном пайке сидит. Мне рассказывали, что в конце шестидесятых годов с водой из-за сухого лета стало так плохо, что эту воду возили танкерами из Туапсе, а жители прихо-

дили на морвокзал с бидончиками и ведрами, чтоб ее получить. Я лично застал подачу воды только утром и вечером, поэтому вода всегда была залита в ванну и в ведра, и, кстати, на мне лежала задача ее запасы пополнять. Поэтому в объявлениях о продаже и обмене квартир с гордостью сообщали, что «вода есть всегда». Это в тех районах, что не в горах, а в доме наверху все может быть гораздо хуже. Климат вроде бы теплый, и зима больше с дождями, чем со снегом, но вот когда пару раз за зиму все обледенеет, то происходит тихий кошмар. Представьте себе, что ни один тротуар в городе не горизонтальный, а все с наклоном и все обледенели! И на гору по льду идти трудно, а с горы вообще непристойно и невозможно. Из этого и другая прелесть вытекает: как на войне по крутым склонам и осыпям идти и тащить за собой всякое тяжелое вроде пушек? Особенно во время дождей, когда кругом раскисшая глина. Сплошные склоны и подъемы. Я прикинул и вспомнил, что относительно ровными являются только несколько улиц в центре ближе к морю, да и то на участке не больше, чем два квартала. А это ведь городские улицы, которые и ровняли, и спуски там не такие, как были до прокладки улиц, да и мощение тоже неровности сглаживает. А про улицы на самих буграх прямо стихи рождаются.

Ах да, еще забыл про колючие кустарники и деревья под Новороссийском упомянуть! В оврагах ежевика, повыше – колючие кусты... Вот и ломись через них... А еще и маля-

рия. В наше время про нее уже забыли, но вот сейчас мне напомнили, принеся таблетку акрихина – ибо в теперешнее время ее еще полным-полно было. Кончилась малярия на Черноморском побережье Кавказа в пятидесятых или даже, может, чуть позже. Усилия были огромные, в ход шла и рыбка гамбузия, сожравшая не только личинки комаров, но и изрядное число мальков рыбы, и осушение болот, и заливание стоячих вод разными нефтепродуктами, выращивание хинного дерева и производство противомаларийных препаратов... Вот благодаря этим усилиям малярия кончилась. Звание «Погибельного» с Кавказа было торжественно снято. Уже не было прелестей, когда на следующий год сидевший в приморском укреплении батальон из-за малярии становился небоеспособен. Все страшные рассадники малярии, вроде всяких там Адлеров и Дагомысов, ныне не укрепления, а курорты, где жить захотят очень многие, а когда-то сюда ни за что бы сами бы не приехали.

Впрочем, нигде воевать не хорошо. В Брянской области полно лесов и болот, да и дорога по песчаному грунту хорошо силы пьет, зима холодная, речки широкие, с топкими берегами. Под Харьковом, где я служил, лесостепи, в которых есть где разгуляться танкам, а когда чернозем размокнет, по нему ходить совсем невозможно, а толкать застрявшую на мокром месте машину – лучше не напоминайте про этот горький опыт...

Так вот я предавался размышлениям, ожидая перевода;

дождался его и при перевозке не простудился, оттого что меня засунули в кабину газика, дав возможность ехать в тепле. Геленджик еще в моем детстве был невелик, а в этом времени и подавно. И ничего в нем из знакомого мне я не увидел. Мы куда-то свернули, потом еще свернули, в центре не были, в общем, наверное, это была восточная окраина или уже какое-то предместье. Опять частный домик, и в нем комната, только внутри было потеснее, чем в госпитале, который только что я покинул. В нашей комнатухе, именуемой четвертой палатой, я был пятый, а свободное место имелось только под кроватями, так что перемещались и мы, и персонал с большим трудом. Но эти страдания выпали больше на долю персонала, а среди ранбольных ходячих было только двое – я (и то пока условно) и связист Сеня с перебитой рукой. Остальные и встали бы, да не в силах еще. Вот такая малоходячая компания собралась: я, Сеня, торпедист с «Харькова» Иван, побывавший и в морской пехоте, куда его отправили летом, когда корабль сильно пострадал от налета авиации. И двое моих коллег с тридцать первой батареи, причем с обеих ее «букв». Была тогда практика – существующие батареи делить на две, чтоб образовавшейся новой половинкой батареи прикрыть еще одно место. Вот так сняли с батареи на Мысхако два орудия и поставили их на горюшке возле перевала Волчьих ворот и назвали ушедшую половинку батареей 31-А. Другая половина тридцать первой батареи осталась на старом месте – прикрывать вход в бухту. С одного берега это

делала наша семья сот четырнадцатая, а с другого эта. Потом прибавились еще батареи, но на начало войны только они и были у города. Так что Коля был с «А», а Феодосий с другой ее части, разница была в том, что Феодосий был дальномерщиком, а Коля, как и я (то есть Андрей), замковым. Орудия на их батарее стояли еще царские, но и их затворы со снарядами тоже хорошо развивали мышцы. Поскольку я был самым свежим обитателем, то на меня навалились с просьбой рассказать о новостях, ну и о себе тоже. Про то, что делается на фронте, я рассказал, что сам услышал, насчет себя же сообщил, что в боях в городе получил контузию, после которой у меня не память, а решето. Хорошо помню только то, как поплыл со Станички через бухту и еле-еле дотянул до другого берега. Иван на это сказал, что я зря скромничаю, ибо столько проплыть не каждый сможет. А Феодосий добавил, что тридцать первая батарея (та, что никуда не делась) держалась еще несколько дней вместе со всеми, кто на нее отступил из разных батальонов морпехоты и армейцев. А потом их вывезли кораблями, а орудия подорвали, как, собственно, и раньше произошло с пушками из 31-А. Так что мог я попробовать проскочить вдоль берега к их плацдарму. И поплавал бы поменьше, и, может, даже вовсе не плавал бы... Если бы да кабы... Хотя не факт, что проскочил бы. Немцев возле меня не оказалось, а вот ближе к косе могли и набраться. Если бы не прорвался, а вернулся, то и они на берег позже могли выйти. То есть плотика не построить, а вот

без него я бы не дотянул до своего берега. Так вот и выходит на войне: пошел налево и жив остался, пошел направо – уже нет. А как угадать, куда лучше – ни одна сивилла не поможет. Иван попал в сто сорок четвертый батальон и с ним повоевал на цементных заводах. Еще там воевали куниковцы, а также ребята из других батальонов.

Иван с нами был недолго, дня через четыре после моего прибытия его куда-то перевели. Наверное, в специальный госпиталь, ведь у него был поврежден позвоночник. Топчан его даже полдня не пустовал, и явился на место Ивана другой Иван, только с катера «МО». Ему при налете авиации перебило плечо и ногу. Осколочная бомба была, наверное, на парашюте, потому что взорвалась над катером и засыпала его осколками сверху. До этого наш новый товарищ такого не встречал, хоть видел бомбежки разными бомбами и торпедные атаки, а вот такого фокуса – нет.

Интересные он вещи рассказывал о службе на этих катерах. С началом войны оказались «мошки», как их иногда называли, очень востребованными кораблями, и без них ничто не обходилось. Даже в тралении участвовали в начале войны. Когда немцы применили новые магнитные мины под главной базой и начались подрывы кораблей, то этим катерам была поручена задача ходить по местам постановки мин и сбрасывать там противолодочные бомбы с мощным зарядом взрывчатки. Предполагалось, что от близких мощных взрывов выйдет из строя аппаратура мин, да и их взрывчатка мо-

жет детонировать. Кому такую задачу поручить? А опять же экипажам «МО». Ребята там отчаянные, корпус деревянный, мина на его магнитное поле не среагирует сама по себе, а скорость катера большая, он успеет проскочить над миной, пока она соберется взрываться. И ходили по минам, и сбрасывали бомбы на них. Иногда мины взрывались. Взлетал огромный столб воды, выше мачты катера, а после по корпусу молотом бил гидравлический удар. Вроде и далеко рвалась, а неприятно было ощущать удар подводной смерти. И все равно в голову лезли мысли, что будет, если этот взрыв отчего-то будет не сзади за катером, а раньше. Хорошо, что это для их катера быстро кончилось. Начались перевозки в Одессу, и их задействовали там, потом пришлось ходить с конвоями уже в Севастополь, а еще в Керчь и Камыш-Бурун, даже в высадке десанта в Феодосию поучаствовали.

Я заинтересовался и попросил рассказать, как он высаживали десантников. Оказалось – как бы просто. Влетели в гавань Феодосии, прочесали пулеметным огнем причалы, пришвартовались и высадили. Почему «как бы» – а потому, что порт занят немцами. Что там и где у них – никто толком не знает. Поэтому врывались, как в пасть зверю. Даже если и немцы проспят, то пока это поймешь, переживаний будет полный короб. А тут хоть они частично проспали, но впечатлений все равно было много. Какое-то время немцы не понимали, что катера и потом эсминцы полезут прямо в порт. Ведь это дело редкое. В Империалистическую войну в под-

готовленный к обороне порт такой прорыв с высадкой десанта был только дважды, и то с очень специфической задачей: заблокировать порты Зеебрюгге и Остенде, чтоб немцы ими не смогли пользоваться для базирования подводных лодок.

А Феодосию брали, а не заваливали вход старыми кораблями, тут надо было работать по-иному и дольше. Хоть первый бросок немцы и частично проспали, и стоявшие на конце мола пушки были захвачены десантом, но потом началась стрельба. Стреляли часовые, прибежавшие по тревоге солдаты, потом начала стрелять тяжелая артиллерия. Но штурмовые группы уже пошли в порт, установили на молу сигнальные огни. Один катер получил снаряд в корму и затонул. После в порт вошли эсминцы «Шаумян», «Незаможник» и «Железняков». Командир «Незаможника» не рассчитал маневр и впилился в причал носом. Не было счастья, да несчастье помогло: коль нос впилился в причал, им можно воспользоваться для выхода десантников. Они и пошли через получившуюся «сходню», и даже быстрее, чем это планировалось. «Незаможник» пошел на ремонт. «Железнякову» и «Шаумяну» досталось поменьше, «всего лишь» по одному тяжелому снаряду. Была сбита мачта на «Шаумяне», погибли люди. А крейсер «Красный Кавказ» все пытался пришвартоваться к молу, чтоб разгрузиться. На нем, кроме десанта, были орудия и тягачи для них. Шлюпками их не высадишь. Еще и буксир, который должен был помочь со швартовкой, струсил и ушел из порта. Пока преодолевали

мешавший швартоваться ветер, немцы раз восемь попали в корабль. Мишень-то огромная. «Красный Крым» в порт не шел, а стоял на рейде и сгружал десант своими баркасами. Некоторый опыт у него уже был, ибо так приходилось действовать осенью под Григорьевкой. Ему тоже досталось от батарей немцев. Порт очистили от немцев довольно быстро, потом началось оттеснение их дальше, на городские улицы. Потом рассказывали, что в Феодосии захватили очень много немецких автомашин и переправочный парк. Одних автобусов штук тридцать. А в порт уже шли транспорты с подкреплением...

Больше их катер в десантах не участвовал. Хотя Иван разговаривал с матросами с других катеров, участвовавшими в высадках в район Камыш-Буруна. Там уже больше пришлось высаживать красноармейцев на голый берег – а берег кое-где оказался не просто голый, а еще и предательский. Перед основным, так сказать, берегом море намыло косу, которую называют баром. Катер смело идет вперед по самое не могу и втыкается носом в отмель, ну, скажем, в пяти метрах от берега и на глубине чуть поболее метра. Все, дальше ему уже нельзя. Десант геройски прыгает в воду. Слово «геройски» не шутка, а правда. Попробуйте прыгнуть по грудь или по шею в декабрьскую воду и, преодолевая холод, страх и течение, идти вперед. Десантник выбрался на берег – вроде все, теперь вперед, за Родину, за Сталина! А это еще не берег, это бар, та самая песчаная, намытая морем коса шириной всего в

несколько метров. А дело происходит ночью. Еще несколько шагов вперед, и боец ухает с бара в холодную воду глубиной полтора метра, а то и больше. Такая вот ловушка природы. Если не утонет, сердце не зашкалит от ледяного купания, то он перебредет или переплывет еще сколько-то метров воды и выберется на берег уже окончательно. Теперь можно воевать, но мокрому и на декабрьском ветру и холоде. Бррр, вот незадачливое место. А где ж эта ловушка? Где-то между Эльтигеном и Камыш-Буруном.

И других рассказов от сопалатников много было, всем ведь есть что вспомнить. Как на той вот батарее 31-А горели от обстрела деревянные основания орудий. Временное основание (ибо постоянное, из бетона, осталось далеко, на берегу) сделано было из скрепленных вместе старых шпал, пропитанных каким-то креозотом или чем-то вроде того. А при обстреле туда, видно, попал осколок, и древесина затлела. Так вот на орудии и горят, и огонь тушат, и стреляют из дыма и костра. Помалкивали про свои подвиги мы с Сеней. Я – понятно отчего, а Сеня считал, что героического в работе телефониста ничего нет. Нужного и опасного – сколько угодно, а вот героического – нисколько... Вот так.

Я вообще про себя рассказывал мало, ссылаясь на пострадавшие после контузии мозга. Мол, тут не только нечего рассказать, ибо память как сито стала, но и есть опасность, что подойдет ко мне девушка и скажет: чего это я домой носа не кажу, женился и не показываюсь. А что я скажу, может,

и было такое, но вернулся с того берега бухты и ни шиша не помню. Придется-таки жить с ней, раз она говорит, что да, а я не помню, что нет. Ребята на эту мою шутку посмеялись и пошутили. Но Николай не поверил, что так может быть. Я ему и ответил, что хочешь верь, хочешь не верь, а я совсем не помню, как у моей стотридцатки замок открывается. Вот сколько раз я это делал, а сейчас спроси – не скажу, как. Как винтовку разбирать или Дегтярев – это пожалуйста. Николай подумал и сказал, что делу помочь можно. Поставить тебя к замку, и там сама рука вспомнит, куда что тянуть, куда и как поворачивать. Его отец, служивший комендором на броненосце «Слава», этого не забыл даже через двадцать лет. Когда Коля сам взялся за рукоятку затвора пушки Канэ, то убедился, что отец все правильно рассказывал.

Я вздохнул и сказал, что замковые могут понадобится, но чувствую я, что больше будет нужда в стрелках и пулеметчиках. Немцев под Новороссийском остановили, вот они перегруппируются и снова ударят, только, наверное, дальше пойдут на Туапсе или на Сухуми. По этому поводу у страгетов нашей палаты вышел вялый спор, куда именно немцы двинут в следующий раз, вскоре прерванный визитом медсестры. После уколов активность сохранил только Сеня, а сам с собой он уже не спорил.

Кормили в госпитале неплохо, периодически давали вино, когда красное, когда белое. Как раз у меня как символ выздоровления появился аппетит... Лекарств вроде как хва-

тало, по крайней мере с моей точки зрения, далекой от медицины. Конечно, госпиталь был явно перегружен, поэтому мы, ходячие и что-то могущие, помогали персоналу. А как иначе: пока я лежал, помогали мне, смог ходить – значит, моя очередь. Как обстояло дело с табаком – не скажу, хорошо или плохо, ибо бросил курить почти двадцать лет назад, и об этом не жалею. Правда, надо сказать, что «курил» – это были реально две попытки курить, одна из них неполная, ибо стошнило. После чего и бросил. Вот только бы не сболтнуть про двадцать лет вслух. Народ-то при малейшей возможности бегал на двор и предавался никотинизму, а те, которые еще не ходячие, с тоской и надеждой ждали, когда смогут туда сами выйти, ибо в палатах курить не разрешали. Ничего, потерпят, еще ни один курильщик не помер от отсутствия привычного дымка в бронхах. С культурными развлечениями было не очень, книг было немного, газеты разносили по палатам поочередно, где для скорости ознакомления с ними устраивали громкую читку. Читал газету либо политработник, либо кто-то из ранбольных, у кого голос получше. Еще для ходячих раненых были и лекции, и политинформации. Обещали даже кино показать, но я его не дождался. Кто-то никак «Александра Невского» не мог выпустить из временного владения.

Еще из геленджикских школ приходили детки с концертами, читали стихи и пели. Хлопали им, не жалея ладоней, и благодарили от всего сердца. В моей жизни часто повто-

рялись слова, что народ и армия едины, и от частого повторения они не всегда воспринимались так, как требовал вложенный в них смысл. А вот тут это понимаешь и ощущаешь в полной мере. И в девяностые годы, и позднее меня и всех вокруг постоянно обучали индивидуализму и навыкам уметь сделать так, чтобы даже все отвратительное вокруг приносило прибыль, а оттого и радость бытия. Вот, теперь мои приключения в ином времени хоть пользу принесут в очищении души от горького опыта, что принесла вторая половина жизни.

И продолжали одолевать думы о том, как быть дальше. Воспаление легких лечится около месяца, как мне помнилось. Ну, пусть полтора. А дальше фронт. Надо же туда прийти хоть что-то знающим. Моя собственная армейская жизнь тут помогала, но только частично. Оружие и тактика сильно изменились. Мой СКС, с которым я отстоял бесчисленные часы на постах, здесь появится еще не скоро, РПД скорее, но тоже не сразу, потому что патрона к ним еще нет. Но было в моей службе, как я уже думал об этом, и полезное для данной ситуации. Служил-то я на базе вооружения, и хранили мы и даже частично утилизировали стрелковое оружие и артсистемы. Оттого не слишком ленивые мои сослуживцы (и я тоже) имели возможность познакомиться с оружием Красной армии. Для трофейного оружия, которое через много лет после войны всё еще было, и в гигантском количестве, существовали другие базы – по слухам, под До-

нецком, в старых шахтах. А у нас было советское, и тоже в гигантских количествах. ППШ лежали аж в нескольких хранилищах. Такой вот одноэтажный сарай, до крыши набитый ящиками с автоматами. Причем в нижние, наверное, никто не залезал с того момента, когда их поставили сюда. Потому что проще застрелиться, чем этот штабель разобрать донизу. Проверки, что были при мне, ограничивались верхними ящиками. И офицерам неохота ждать, когда мы до нижнего ящика доберемся, а нам сначала разобрать склад до основания, а потом всё возвращать, как было, еще менее хотелось. Сковырнем верхние ящики, комиссия их вскрыет, осмотрит, пересчитает, бумаги напишет, и все, ящики идут на место, дверь хранилища опечатывается до следующего осмотра. И другого оружия хватало. Какие пушки у нас тут были, я не в курсе, но тоже какие-то оставались. Часть оружия утилизировалась на харьковских предприятиях, но так медленно, что в этом веке процесс явно не закончился бы, должно хватить и на часть следующего столетия. Так что я тех пор я умею разбирать винтовку, ППШ, Дегтярев и ТТ. Наган мне в руки попался только один раз, потому впечатление о нем только самое общее, и даже разобрать его не дали, старшина торопился закончить дела и побаловаться с револьвером не позволил. Но вот стрелять из них выучиться не удалось. Наши начальники готовы были закрыть глаза на то, что солдатики побалууются со старым оружием и разберут – соберут его, но вот организовывать стрельбы для нас никто не стал.

Стрельбы из штатного оружия мы проводили. Так что три раза я стрелял из родного СКС и раз из пулемета. И то хлеб. Так что можно считать, что с оружием я обращаться умею, а вот стрелять – как получится. Оценки по стрельбе у меня были хорошими, да и сам с охотой всегда ходил в малокалиберный тир ДОСААФ, даже, помню, выполнил норматив на третий разряд. Только никто его мне не присваивал, ибо сам стрелял и судью неоткуда было взять. С гранатами дело обстоит чуть хуже. В армии для нас проводили обучение по обращению с гранатами, хотя бросал я их только дважды, и то учебно-имитационные. Так что если мне сейчас дадут гранату Ф-1 или РГ-42, то с ней я справлюсь, ибо эти гранаты дожили до моей службы и представление о них я имею. Но вот с другими гранатами и не знаю, как быть – например, с РГД-33, которых в это время хватало. В принципе, мое знание матчасти вполне пристойно для артиллериста, которого не должны стрелковым делом много терзать. То есть претензий ко мне у начальства не будет, претензии могут быть у немцев, почему так плохо умею их убивать. Значит, надо еще подучиться, чему успею, народ я послушал про разные особенности в бою и еще послушаю, если удастся, а вот уставы почитать не мешало бы. Вплоть до строевого, а то вдруг нынешний отличается от моего. По этому поводу я сходил к комиссару госпиталя и попросил выделить уставы для повторения, пока я здесь отлеживаюсь. Военком меня похвалил за рвение и обещал выдать, но предупредил, чтоб эти

уставы были использованы для изучения, а не на раскурку. Это я клятвенно обещал, ибо некурящий, и через день их получил.

Довольно часто я думал об Андрее: что с его личностью случилось от соединения с моей. Но пока всё было непонятно – может, он и жив, но пока успешно маскируется. Случаев было много, когда бы его знаниягодились, но они не всплывали ни как диалог Андрея с Андреем, ни как подсказка во всплывающем окне. И не свои воспоминания не появлялись. Конечно, хорошо бы, если Андрей не погиб, а хотя бы очнулся в моем теле. Надеюсь, он это переживет и найдет себе место в жизни. Ни он, ни я о случившемся не просили, но это хоть будет какой-то обмен, пусть и не равноценный. Конечно, я свой организм излишествами разными не подрывал, но сорок лет – это уже не двадцать, да и зубов уже неполный комплект. Зато аппендикс на месте, есть возможность дважды в жизни испытать его удаление, никто этого не сподобился, а он – да. Тут, правда, вспоминается герой одного стихотворения, который был жутко везучим, потому его не взяло прямое попадание снаряда из пушки, попадание под трамвай, случайно выпитый яд кураре и прочие экстремальные приключения. И вот он однажды, свалившись с вышки, потирает слегка ушибленную коленку и думает, зачем мне все эти падения, пушки и яды, а кто ведает, зачем... Так же и я – зачем это со мной произошло, в наказание, во благо, как награда, отработка за невыученный урок жизни? И еще раз

скажу – кто ж это ведаёт! Может, встретится мне где-то здесь Сивилла Кумская или Сивилла Крымская, которая скажет в стихотворной форме, за что это все. Скажем, это кара за то, что не стал учиться после техникума, а решил денег подзаработать, открыв малое предприятие, а образование – ну, когда-то потом, или наоборот, это награда за то же самое, что не пополнил собою когорту дубоголовых менеджеров.

Вспоминал ли я о своей жизни, что так резко изменилась сентябрьским утром во внезапном приступе сна – да, и почти каждый день. Я ведь уже не так молод, чтобы, только почуяв возможность приключений, сразу лететь на них, как бабочка на фонарь уличного освещения. Мне уже потихоньку хочется покоя и уюта, а не впечатлений от пятой точки опоры. Свою долю их я уже получил, есть что рассказать и смешное, и трагическое, а вот переживать еще порцию уже не хочется. В жизни мне уже не хватало не порции адреналина, а домашнего очага, а с ним все никак не выходило. И вот когда возникла надежда на его обретение, я просыпаюсь ликом в море, и все прочее, что за пробуждением последовало. Иногда такая тоска одолевала, что и завыл бы волколаком на луну. И не с кем поделиться или выговориться. Хоть, как цирюльник царя Мидаса, иди и разговаривай с тростниками, выдавая свои заветные тайны. Поговоришь так с тростником, и явится миру мыслящий тростник, который додумается до того же, что и Блез Паскаль. Прямо сон о Блезе Паскале, которому снился мыслящий тростник, видящий сон о Блезе Пас-

кале. Тьфу, я уже в этой философии запутался, начал про свое, а закончил всякой ерундой. Вот что значит томление духа. Пора вставать, Феодосию утку подставить, а потом пойду вдохну воздуха и уставы почитаю.

Но коль уж так случилось, то хоть я этого не просил, а придется соответствовать. Конечно, неплохо было бы знать, надолго ли я тут, хотя бы в видах того, как строить отношения с дамами, но кто ж мне скажет, есть ли у меня время на краткий роман, нормальную семью, или время мне отведено до следующего налета юнкерсов. Будь я человеком этого времени, то, конечно, тоже не знал бы всего, что ждет, но мог бы вполне резонно предполагать, что если доживу до победы, то могу спокойно рассчитывать на мирную жизнь и всё, что к ней прилагается. Случаи, конечно, и тут разные бывают, и войне еще не конец, но рассчитывать дожить до победы – не запредельный оптимизм. Это были не единственные думы, были и прямо размышления о Лоханкине и русской революции, то бишь как мне и дальше эволюционировать или революционно себя вести. А все проклятая литература. Читывал я разные книги, начиная от «Янки при дворе короля Артура» и заканчивая более современными, о том, как человек, попав в прошлое для себя время, пытался его изменить в какую-то сторону. Когда удачно, когда не очень. Вот и мне как быть, коль уж я оказался здесь? Могу кое-какие знания приложить не только на благо себе, но и на благо окружающим. Чем я обладаю по сравнению с жителями

этого времени? Знаниями, ведь все остальное у меня не выше среднестатистического. А как житель будущего я много чего знаю. Это не моя личная заслуга – знания были вокруг меня, я просто их впитывал активнее, чем мог бы, поскольку лень свойственна любому, да и мне тоже. Но знания – они ценны не столько сами по себе, а больше когда они помогают что-то сделать. То есть для них важны время и место. Знание ядерной физики мало поможет мне, попавшему в тело моего прадеда-мельника. А вот знание обычной физики может быть полезно, если удастся при его помощи улучшить работу мельницы. Прадеду это было бы очень важно, потому что он был как бы и сельский буржуа и пролетарий в одном флаконе. Буржуа он был, ибо владел той самой мельницей, вот только не знаю, ветряной или водяной. А пролетарием он был, исходя из древнего значения этого слова, которое когда-то обозначало то, что человек богат в основном своими детьми. Их у него было девятнадцать, от трех браков, так что мог бы апеллировать этим фактором к комбеду. Но ни он, ни комбедовцы латыни не знали, потому его и раскулачили. Тут я явно растекся мыслью по дереву, но, вернувшись к моменту растекания не туда, надо сказать, что знания мне тоже следует использовать аккуратно.

Когда я стрелок на Кавказе, знания оперативной обстановки под Ленинградом, которые у меня отчего-то есть, мне никак не помогают. То есть надо их отдать кому-то. А как? Даже знания об обстановке на самом Кавказе должны по-

пасть по назначению, то есть тем, кто эти знания использует во благо, ну, или хоть попытается, потому что проиграть операцию можно и когда представляешь, что противник делает и сколько его. И вот как мне сообщить, что где-то под Орджоникидзе немцы нанесут удар не так, а эдак, или возьмут Нальчик, удара на который фронт не ожидает? Никак. Замковый орудия или стрелок поделиться с командармом этими сведения не может, не говоря уже о уровне выше. Нет возможности. Да и как, в какой форме? Написать письмо с советом: «Лошадью ходи, лошадью!»?

Ну, написал я письмо, и его не потеряли, а даже прочитали и не выкинули, как ересь. Призывают меня и спрашивают, откуда ты это взял, что немцы ударят через неделю на Нальчик. Логически это невозможно придумать простому бойцу, по уровню знаний до этого мог догадаться какой-то работник штаба фронта или работник штаба той самой 37-й армии, которая Нальчик обороняла. А я – не должен знать. Что мне ответить – во сне приснилось? «Ах во сне? Десять суток ареста, чтоб снилось нечто мягкое, женское, а не то, что снится из стратегии и тактики!» Еще вроде бы в эти (а теперь уже явно мои) времена был и строгий арест, на хлебе и воде, это при министре Гречко его отменили, поэтому наши солдатики на губе питанием не ограничивались.

Или другой вариант. «Я это знаю, потому что это не я, то есть я в этом теле, которое здешний комендор, а сам я из будущего, и в будущем это уже все знают». – «Понятно. Где

там ближайшая больница для умалишенных у нас – в Сухуме или Тбилиси? Ну, пусть будет в Ереване, тамошние наполеоны и вице-короли Индии его заждались!» И даже обижаться нечего. Если бы я сам встретил в восьмидесятом человека, который напророчил бы через десяток лет развал СССР и реалии девяностых, то что бы я о нем подумал? А то же самое.

Единственный выход – зная о чем-то, пользоваться этим знанием как могу. Вот, зная о баре в районе Эльтигена, сообщить о нем тому, кому нужно, и самому воспользоваться, если буду там. Если я при этом буду расти в звании и должности, так еще лучше. Правда, надо быть честным и сказать, что шанс стать взводным у меня есть, и может, даже тямю хватит. Уже ротным – сомнительно, что потяну, но возможно, потому что последний оставшийся в строю взводный может и ротой командовать, и не потому, что способен, а оттого, что пока другого не прислали. Но вот лицом, влияющим на операции армейского или фронтового масштаба – это прямо-таки невозможно. В академии нужно учиться. Я просто не успею до конца войны это сделать, даже при нужном ветре в паруса. Стало быть, никак, а потому, если не можешь сделать все, сделай то, что сможешь. Не весь Кавказ, так хоть доступную горушку.

Вообще есть еще один шанс: «изобрести» нечто позднейшее, что сильно бы помогло бы в войне. А что именно? Ну вот хотя бы ручной противотанковый гранатомет или его

станковый аналог. Благородное дело и нужное, и я даже, кажется, читал роман про такого героя. Ну, только в отличие от автора, я все же техник-электрик по диплому, а потому знаю, что не все, что скрывается под кожухом или крышкой, совершенно понятно любому с улицы. Что я знаю о том РПГ? А в общем, только принципы работы. То есть только для создания макета или модели мне еще нужен инженер, чтобы мои скромные познания в металл перевести. А дальше скрывается тьма ноу-хау: почему воронка должна облицовываться, или можно и без того обойтись, какой ее угол, как нужно обеспечить кучность стрельбы, а если не получится, то что с чем сделать, чтобы получилось – убрать на фиг оперение или, наоборот, увеличить его размах. Какие подобрать пороха и какое сечение сопла... Всей работы хватит на КБ, потому что всего, что нужно, не было в наличии и оно было не исследовано. Или исследовано, но не для того. Потому, чтобы его «внедрить», мне нужно держать в голове всю детализировку изделия (хотел бы я глянуть на такого гения) или иметь недюжинные конструкторские навыки и самому все восстановить подетально. Извините, я пас, ибо не тот я и не этот. Простое же прожектерство как-то не нравится и другое напоминает. А именно рассказ одного венгерского писателя, как журналист путешествовал во времени и попал во времена короля Матьяша Хуньяди. И решил он предложить кое-что из нового времени королю, чтоб тот так турок побил, что, глядишь, будущая Мохачская битва не случится и Венгрию

турки не завоюют, если их Матьяш отбросит куда-то в Македонию. Добрался он до короля и стал предлагать: давайте построим аэроплан, он сможет лететь как птица и увидеть, идут ли турки и куда, а еще можно увидеть, почему не तोпяты другие наши отряды. Король и говорит: это нужное дело, действуй. А тот журналист совсем не знает, как сделать аэроплан, а уж авиамотор и вовсе для него темный лес. Полное фиаско. Далее предлагает журналист сделать телеграф для связи с войсками, но как точно сделать – не знает, и так далее... В итоге шибко умного журналиста повесили.

Но что требовать от грубых жителей средневековья? Они ведь со всею душой, а от журналиста толк небольшой, а только сплошная растрата ценного королевского времени. Вот и мне не хочется того же. Потому воспользуюсь подсказкой покойного венгра и не буду соваться в заоблачные выси, в которых ни уха ни рыла.

Подумал я и о том, что у всех таких изобретений автор есть или несколько. Вот сейчас сержант Калашников в госпитале лечится или уже после него выписан. А после выписки начнет изобретать. Сейчас он может сделать еще что-то, которое не сильно хорошо, но сделав несколько таких работ, он выйдет на свою конструкцию, а предварительными работами он свой уровень и подымет. Теперь представим, что я сейчас взял и «переизобрел» вместо него тот автомат. Слава мне, допустим, обеспечена, хотя, думаю, что сейчас АК стране не нужен по ряду причин, он будет нужен больше потом.

Что в итоге выйдет? Автомат есть, хотя особенно и не нужен. Есть я в роли конструктора, который на том и остановится, ибо знаменитым оружейником я точно не стану, потому и останусь автором одной песни, она же главная и лебединая. Калашников, в отличие от меня, конструктор. Кроме АК он может еще что-то сделать (другое оружие с буквой «К» я видел, но не знаю, кто в него больше вложил, сам Михаил Тимофеевич, или его подчиненные). Но он все это сделал после того, когда стал конструктором АК, то есть показал, что может сделать нужный армии образец, поэтому в следующий раз, когда он что-то еще предлагал армии, то дорогу новому изобретению помогал пролагать и его первый удачный образец. Теперь, такой хитрый, я лишаю его вот этого трамплина. То есть реальный конструктор вынужден тратить часть сил на то, чтоб доказать то, что он уже доказал сразу после войны, войдя в ограниченную группу, которой и поручаются важные дела... Оттого он сделает меньше, чем сделал в неизменной мною реальности, и что-то из его конструкций не появится вообще или вместо него примут изделие какого-то другого автора, которое не столь и хорошо. Конкуренция между подрядчиками знакома и мне, и решения там часто принимаются, исходя из весьма интересных резонансов. То есть я однозначно сделаю стране хуже. Себе, конечно, лучше, но если меня совесть не загрызет.

Так что если и придется изобретать, то что-то понемногу. Я как-то в книге видел, что у итальянцев в это время изоб-

рели нечто вроде разгрузочного жилета. Вот его-то можно и попробовать применить для наших целей. А на итальянский приоритет мне пофиг, и вообще они сейчас с нами воюют. Так что у меня перед ними никаких обязательств нет, и во вреде им ограничивает только физическая возможность его совершить. Была бы возможность наслать сразу на всю итальянскую армию на Дону альвеолярный пульпит и неостановимый понос – наслал бы. Нефиг шляться здесь с недобрыми намерениями. Вообразили себя потомками римлян – вот и шатайтесь по дорогам своих предков по Африке или по Турции, можете даже в Берлин заглянуть. Ибо многие цезари получали триумф за сокрушение германцев.

Глава третья

Еще добавлю, что в рамках завоевания «Хрустальной совы» я завоевал еще кусочек этой птицы – ну, скажем, второе ухо. Путем дедуктивных размышлений и расспросов я определил, где служил Андрей в морской пехоте. Бригада товарища Кравченко. Жаль, что расчеты окончились вечером, а вино уже выдали в обед.

На следующий день меня направили на рентген. У себя дома я бы уже минимум дважды там побывал – для диагностики и для контроля процесса. А здесь уже можно сказать – на финише. Рентгенкабинет располагался где-то в другом месте, может, даже и не в нашем госпитале, ибо не догадался спросить. Меня на сей раз поместили в кузов, но вместо халата выдали огромную черную бурку. Как она оказалась в госпитальном имуществе на флоте – не спрашивайте, ибо не отвечу. Бурка малость пострадала от моли, но закутался в нее – и не страшны ни дождь, ни ветер.

Хотя сидел я в ней в коридоре, ожидая, когда врач опишет результат (мне делали не снимок, а рентгеноскопию), и ловил на себе удивленные взгляды: что это за тип в бурке здесь делает? Задержаться пришлось довольно надолго, потому что следующих приносили и привозили, поэтому я пока терзал глаза проходивших мимо и вспоминал разное. В том числе и студенческую молодость – ведь учащихся в тех-

никуме тоже студентами называют. Я тогда устроился на работу ночью в котельную, где числился оператором. Поскольку кидать уголь лопатой мне не предстояло, то я рассчитывал, что в газовой котельной можно будет и дрыхнуть на работе. Увы, это я слишком размечтался. Поэтому спать было нельзя, разве что на секунду отключиться и тут же с ужасом вскочить – не взорвались ли мы, пока я спал? А раз не спишь, ночь тянется бесконечно. Я и читал на работе. Раз, помню, забыл в общаге взятую книгу, поэтому пошел искать, чего бы тут найти почитать, ибо видел раньше в одной кладовке завал старых книг.

Да, я не перепутал, там лежали какие-то описания патентов. Точнее сказать не могу, ибо обложки кто-то отодрал, а искать другие следы названия я поленился. Нельзя сказать, что чтение было увлекательное, но при желании нашлось и смешное, и интересное. Так я узнал, что в рецепт зубной пасты входят десятки компонентов. А вот и смешное – о пользе некоторых изобретений. Правда, чтоб понять, что это смешно, мне потребовалась консультация.

Итак, описание изобретения, рожденного пытливыми умами из Полтавского медицинского института (он вообще-то стоматологический, но и обыкновенные врачи там тоже учатся)... Смысл деяния – определение, какая пневмония у ребенка, правосторонняя или левосторонняя. Некий реактив наносится на две симметричных точки на языке ребенка, и с той стороны, с какой окрасилось – с той и пневмо-

ния. Это не способ выявления пневмонии, это способ выявления ее *сторонь*. И все. Вообще-то если сделаешь рентгено снимок грудной клетки, то это и видно будет, да и лево- и правосторонняя пневмонии лечатся одинаково. Даже если ты перепутаешь стороны снимка, то тебе грозит только втык от начальства за путаницу, а ребенок выздоровеет. Не только все йогурты одинаково полезны, но и не все изобретения нужны вообще.

А в «истопниках» я проходил только зиму. После окончания отопительного сезона нашлась мне другая подработка, где спать ночью можно было. Практика показала, что не спать всю ночь я могу, но лучше всё-таки спать.

В госпитале лечащий врач сказал, что в общем я выздоровел, так что скоро на выписку. А когда? Может, и завтра.

Завтра не получилось, потому что было большое поступление раненых и весь персонал сбивался с ног. Авианалет на корабли в бухте, артудар по батарее Зубкова, раненые у зенитчиков... В общем, все успокоилось только к вечеру. К нам никого не подсеяли, потому как некуда.

Бомбежка порта нам не очень мешала, хотя содрогания почвы от взрывов ощущались. Но взрывы эти были далеко и не приближались, судя по ощущениям. Видимо, наш домик стоял где-то на окраине города. Ну ничего, скоро пойму, где это мы размещались.

Поскольку предстояла близкая выписка, я перед сном поразмыслил над своим ближайшим будущим. И оно представ-

лялось мне в морской пехоте. Шанс попасть в береговую артиллерию или зенитчики существовал, но был существенно меньше. Поскольку я помнил про грядущие попытки немцев наступать на Туапсе и иные места, то морская пехота была все более вероятной. Про службу на кораблях я не думал. Раз Андрей отчего-то попал не в плавсостав, а в береговую оборону, значит, у него есть какой-то небольшой дефект здоровья. Я в свои времена слышал, что наилучшее здоровье требовалось от тех, кто служит на кораблях. Может, здесь было по-другому, но вероятность того, что я прав, высока. Даже в случае ошибки – что я помню? Потери в кораблях росли, а поступление их от промышленности было не очень велико. Потому это автоматически означает меньшую потребность в морях, ведь не так часто корабль гибнет со всем экипажем. Чаше корабля нет, а часть экипажа есть. Поэтому, коль я не какой-то там штурманский электрик или гидроакустик, то «без тебя большевики обойдутся», в смысле на кораблях.

Хотелось ли мне попасть на склад или куда-то еще, где не самое пекло? Да, признаюсь, хотелось... Я свои способности в военном деле оценивал не высоко, поэтому годился и для склада, и для пекла. Попаду на склад – значит, так тому и быть, но специально туда рваться не буду. В моем представлении армия и война – дело артельное, и все вместе тянут свою ношу. Не у всех ноша валит с ног, но не все специально выискивают теплое место и для того кого-то топят. А если кому-то повезло просто потому, что повезло, то почему бы

и нет? Коль не повезет – значит, так и будет.

Итого траектория моя определилась, теперь надо продумать некоторые моменты. Конечно, получится ли у меня прибарахлиться нужным имуществом – еще вопрос, но правильно поставленная проблема тем самым уже частично решается. Когда ты точно знаешь, что тебе надо и готов это сделать не раздумывая, то обычно случай предоставляется.

Меня могут переодеть в чисто флотскую форму, а она имеет недостатки при действиях на берегу. На флоте приняты ботинки, а ходить в ботинках по вздувшимся от дождей горным ручьям – это небольшое удовольствие. Сапоги здесь куда лучше, особенно учитывая то, что зимой в здешних местах чаще бывают дожди, чем снег. Другой вопрос, но с теми же дождями – как идти или стоять лагерем целый день под падающей с неба водой? Бушлат морской я как-то пробовал надевать, он довольно теплый и даже чуть удобнее шинели в носке. Но как он выдержит целый день дождя? Я не знал. Шинель выдерживала, хотя еще лучше надеть сверху плащ-палатку. А как с плащ-палатками на флоте? Вроде как дождевики на вахтах есть, а вот выдают ли их морской пехоте – кто ведает? Да и бескозырка зимой, с моей точки зрения, не очень.

Так что мне первое задание – как-то раздобыть сапоги и плащ-палатку. На крайний случай вместо сапог есть бахилы из химкомплекта, чтобы речку перебрести, если она не глубже, чем по колено. Если глубже, то уже сухим не будешь, хоть

в сапогах, хоть в лаптях. А есть здесь такие защитные костюмы, как у нас? Не знаю, противогазы точно были, а вот бахилы – не ведаю. Дополнение к этому же пункту – запас портянок. Если вода уже как-то затекла, то хоть сменить портянки и то лучше.

Проблема номер два – каменистые грунты. Тогда нужно раздобыть себе хоть небольшой топор, чтоб помогать выдалбливать окопчик. В отдельных местах фиг что сделаешь, надо выкладывать стенку из камней насухо и ждать, когда она от взрывной волны завалится. Еще бы лучше кирку, но носить ее на маршах – легче застрелиться.

Еще одна водная проблема. В период дождей ручьи мутные, пить такую воду и чревато, и не хочется. Значит, нужен запас воды, который можно и процедить, и оставить отстаиваться. Ну, и примкнувшая к этой проблеме другая – в Красной армии кроме алюминиевых были и стеклянные фляги. Упал неудачно на каменистый склон – и всё, разбилась. Хорошо, если еще сам не порезался. Итого одна алюминиевая или две стеклянные фляги. А можно и то, и другое.

Следующая сложность – как носить с собой патроны и гранаты. Сколь видел фотографий того времени – гранаты вечно подвешены на поясе или просто заткнуты за него, противотанковые – тоже на ремне. А как их там крепить? Или это только фотографии, а в поле носили как-то не так? Ну, и беда второй половины войны – недостаток подсумков. До войны на ППД полагалось три подсумка для дисков, на фото

же хорошо, если виден один. Винтовочных вместо трех штук – тоже чаще всего один. В качестве промежуточного решения мне можно воспользоваться противогазной сумкой, удалив из нее всякое химическое имущество, что широко практиковалось. Резина маски – на разные мелкие нужды, сумка – как дополнение или вместо вещмешка, угольный фильтр – для разных надобностей (скажем, для самогоноварения). Впрочем, некоторые сначала выкинули, а потом поняли, что ценное было рядом, как мне рассказывали.

Насчет применения ОВ – это уже вряд ли, так что беспокоиться особо не стоит (ну разве что какой-то пожар или дым в подвале).

Я еще подумал насчет камуфляжной формы, но отказался от включения ее в планы, как по малой доступности, так и из-за некоторых особенностей театра. Ну вот как маскироваться, скажем, в октябре, пока листья еще не все опали – где желтые, где зеленые, где красные, – а земля где зеленая, где в этих листьях, где черная. Стволы деревьев – где коричневые, где черные. Камни тоже не одного цвета... Так что хоть серая шинель, хоть черный бушлат, хоть зеленая гимнастерка... Вот синяя форменка однозначно нехороша.

Ах да, коли надо кучу гранат и всего таскать на поясе, то не мешали бы поддерживающие ремни через плечи. Так, загрузив себя заданиями, я уснул, и даже во сне что-то искал. Наверное, то, что забыл включить в этот список. Конечно, с реализацией этого плана будут проблемы, но ведь бывает

же, что повезет и что-то выдадут, а что-то подберешь.

Вообще должен сказать, что размышлял я как-то чересчур эйфорично или даже, не побоюсь этого слова, амбитендентно. Амбитендентность была в том, что я здраво рассуждал о том, что надо топор или лишнюю флягу, и почему я это придумал, но самое-то главное – я не учитываю, что ведь в бой пойду, к которому совсем не готов! Хорошо, если будет время хоть азы повторить, а если нет? А этой осенью морская пехота работала как пожарная команда по затыканию прорывов. Здесь ее только на высокогорные перевалы не бросали – туда, к Эльбрусу. И служба моя больше дала мне для понимания, как в армии все устроено, чем для боя. Что я знаю – слегка подученные здешние уставы, да их еще надо не перепутать с теми, что выучены далеко отсюда. Да и насчет умения тоже совсем неярко. И как вот такому в бой идти, который может случиться завтра, а то и сегодня? Такие мысли меня терзали весь день выписки, благо она затянулась, потому что меня, как выздоровевшего, привлекли к погрузке – выгрузке разного имущества. Поэтому мы с шофером и еще одним почти выздоровевшим и поехали, и своей очереди дожидались под складом, а потом туда, на газик, а потом с газика. В общем, впечатление было такое, что пока я по коридору ходил, то еще можно было считать себя здоровым. Когда приложишь руки к ящикам, то понимаешь, как заблуждались. Кстати, мышцы, доставшиеся в наследство, малость одрябли. В общем, день был в стиле «ой, мамочка, роди ме-

ня обратно!». Но такие фокусы не удаются. Поэтому я приготовился к тому, что меня ждет, ибо мой жизненный опыт говорил мне о том, что некоторые вещи от тебя никуда не уйдут, ты их должен получить, и хочешь или не хочешь, а получишь. Поэтому, когда пришло их время, подставляй то, куда их получаешь. Карман или другое место. Но это был не последний приступ переживаний, они еще возвращались.

Пока же меня обмундировывали. Поскольку из моря вышел я не полностью одетым, так что теперь подбирали из того, что есть. Противогазная сумка никуда не делась, только ложка из нее улетучилась, вот уж не знаю, что с ней произошло – выпала по дороге через бухту или кто-то ею заинтересовался так, что не смог расстаться. В общем, пока на меня нашлась почти что вся форма номер пять, только вместо ботинок – сапоги. То есть как бы гибрид береговой походной формы и пятой. Оружия, конечно, не было. Винтовка осталась, видно, в том армейском госпитале.

Последующее было уже не так интересно. Полуэкипаж, потом ожидание, потом дорога в горы. И попал я в 142-й батальон морской пехоты, в 255-ю морскую стрелковую бригаду. Обычно в черноморских бригадах батальоны были отдельными, в отличие от бригад Красной армии, воевавших рядом. Бригада совсем недавно одержала победу под станцией Шапсугской. В сентябре там прошла удачная операция по отражению румынского удара. Не пробившись по «голод-

ному»³ шоссе на Геленджик и дальше, немцы решили отрезать войска вдоль побережья, ударив союзными им румынскими войсками от Шапсугской к морю. Там до моря, собственно, недалеко было. Если бы не горы и бездорожье, то раз-раз – и уже берег. Румынская горнострелковая дивизия вклинилась в нашу оборону и застряла, а потом подошедшие две бригады морской пехоты (мы и наш почти постоянный сосед, 83-я бригада) контрударом отбросили румынов назад. Но это, насколько я помню, была не последняя попытка.

География и линия фронта к этому подталкивали. Велик был соблазн прорваться к морю и добиться этим ударом сразу многого: уничтожить Черноморский флот, сильно сократить линию фронта, тем самым высвободив войска для Сталинградского сражения, может, даже перетянув на свою сторону Турцию. Желаящие воевать в Турции были. Пока они выжидали, но кто их знает, как они бы себя повели в случае успеха немцев на Западном Кавказе.

Немного напомню географию (уж простите технику-электрику его профессорскую позу и вещание как с кафедры). Горы начинаются приблизительно от Анапы и идут на восток, постепенно расширяясь. А вот дороги через них проходят к морю только в некоторых местах, там, где местность позволяет. Это район Новороссийска, дорога от Горячего

³ Прибрежная дорога от Новороссийска на юг вдоль берега. Это название прилипло потому, что многие участники строительства приехали туда из районов с неурожаем. В ее строительстве участвовал Максим Горький, по впечатлениям он написал рассказ «Рождение человека».

Ключа на юг, к морю, и дорога на Туапсе. Можно пройти еще кое-где по долинам рек, горным тропам и с серьезными усилиями. Эти направления и дороги по ним – лучшие. В сентябре и чуть раньше немцы уже ударили там и были остановлены. Теперь румынские горные стрелки попробовали проломиться через станицу Шапсугскую на Геленджик. Я уже говорил, что по карте там недалеко. А практически уже сложнее. Но для того и тренируют горных стрелков, чтоб они по горам ходили и на выючном транспорте для себя протаскивали снабжение и артиллерию. Шапсугская совсем недалеко от хорошей транспортной артерии от Краснодара на Новороссийск через Ахтырский, и Абинскую и Крымскую. Дальше через перевал Бабича на Геленджик – это дорога больше для горных стрелков. Горы там и возле Геленджика около семисот метров высотой, густо заросшие лесом, ближе к Туапсе они поднимаются и до километра.

А румыны, уже раз получив под Шапсугской, не успокоились. Горным стрелкам отпустили причитающееся им, теперь в очередь встала румынская 19-я пехотная дивизия. Не забыты были и иные места. Для боев на перевалах время подходило к концу, скоро их должна была закрыть зима.

Под Туапсе зима не столь сковывает боевые действия, как в Приэльбрусье, но она тоже сильно мешает. Поэтому осень там ожидалась горячей, как, собственно, и на Тереке. Где войска не выдержат, там рухнет оборона Кавказа. Поэтому надо было продержаться до той самой зимы. А дальше...

дальше будет Сталинград и обвал немецкого фронта от Кавказа до Севска. И уходить из Приэльбрусья немцам придется не в сильно приятных условиях. И то, что Шапсугская не так далеко от дороги на Краснодар – это сработает и против немцев. Но до этого нужно дожить и везде удержаться – на Тереке, под Шапсугской, на высокогорных перевалах, под Туапсе, под Геленджиком.

...Шапсугские будни закончились, и мы медленно маршируем в тыл. Почему медленно – в гору идем. Начинает уже темнеть, а идти – кто знает, сколько? Могут остановить вот тут, за горкой, на ночлег, могут в каком-то хуторке, а возможно, придется идти и куда-то далече. Вроде как идем на юго-запад, как мне подсказывает внутренний компас. А более точно он мне подсказать не может. Не бывал я в этих горах в свое время, да и если бы и был – узнай попробуй эти горы и дорогу за много лет до тебя. Вон, кто из многочисленных курортников, посещавших Геленджик, догадается, что когда-то там был цементный завод? А ведь был, «Солнце» назывался. Или что некогда городские власти видели перспективу города Новороссийска в курортном деле? Было и такое. Когда-то в Новороссийске купальни стояли рядом с пристанью, а о курортных перспективах размышляли власти города, в котором куча цементных заводов, нефтеперегонный завод и малярийные болота на нынешней Малой земле...

Так что коль бывал бы я тут в свое время, так и мучил-

ся бы сейчас от попыток вспомнить: это здесь мы шашлыки жарили или подальше?

Ладно, надо шагать дальше и думать о том, как не заснуть на ходу. В минувшую ночь румыны хотели в атаку пойти, поэтому спать нам не дали, сначала атакой, потом ракетами и минометным огнем. А днем доспать не получилось. Вот, может, дойдем до деревушки, и будет возможность поспать часа четыре. Или больше, если позволят. А пока тащишься дальше, и тянет в сон. Постоянно хочется упасть и полежать. И ничего больше – ни поесть, ни попить, ни девушку. Девушки – это было вчера во сне, до румынского концерта без заявок.

Шаг, шаг. Шаг, шаг – ноги прямо как залиты какой-то вязкой жидкостью, хоть грязи на дороге нет: просохла. И ноша тянет, и мое положенное, и данная мне временно, до следующего привала, коробка с дисками к Дегтяреву. Дойдем до привала, а дальше Пашка Рыжий ее потянет. А после него еще кто-то. И своей амуниции хватает. Не зря я планы строил по сбору полезностей, теперь их частично выполнил, и добытое спину гнет. Но душа на том не успокоилась и замыслила биноклем обзавестись. Еще не мешал бы какой-то окопный перископ, но где б его добыть-то? Не помню, есть ли они сейчас, кроме как в танках и подводных лодках. Но мне бы поменьше, чтоб из окопа или из-за гребня выглядывать, потому что подлодочный я не утяну – надорвусь. Память подсказывает мне, что я видел такой в Ленинграде, в

Военно-морском музее. Перископ принадлежал подводной лодке «Окунь» и был согнут от тарана немецкого корабля. Серьезная штука, я его, наверное, один и не сдвину, благо он из бронзы. Вот подумал о разном, встряхнулся, и чуть легче стало. Но повспоминал, как выглядит этот перископ, и снова усталость начала давить. А небольшого, чтоб в руках носить, я и не видел – ни у наших командиров, ни у сменивших нас армейцев, ни у румын. Бинокль – штука полезная, ибо в горах воюем. А в них – чем выше ты забрался, тем это лучше. Залезешь на гору, и такой вид перед тобою откроется – дух захватывает. А до тебя добраться на крутую гору – захекаются. Так вот и пригодился бы. Ничего, буду иметь в виду и попробую раздобыть. Хотя килограмм металла на ремне, режущем шею... Нет, все равно нужно.

...Мы тащились еще часа два. Нет, пожалуй, больше. К концу марша вымотались и шли дальше на секретном стимуляторе – строевой песне. Я, когда свою службу начинал, петь хором не любил, потому лишь рот открывал первое время. Потом понял, что песня действительно прибавляет силы. Встречалась мне когда-то фраза старого моряка, что песня стоит лишних десяти человек, и это знают все, кто поднимал якорь вручную. Этого мне не приходилось делать, но силы от песни реально прибавляются. Только песня нужна особенная, вроде «Варяга» или «Прощания славянки», от которой усталое сердце про километры забывает, а не что-то простенькое. И еще нужно душу в пение вкладывать. Не просто

так, как мы в свое время у подъезда пели, а чувствовать, что это про тебя, а не вообще. Но в гору с пением не пойдешь, оттого мы пели на спусках.

Позже было сущее блаженство – навес (то есть дождь не страшен, если соберется, как позавчера), а под спиной даже немного соломы. Мы с Пашей хорошо устроились: под нами затрофеенное мной румынское одеяло, а сверху Пашина шинель. И вот так пока не придет черед на пост... Красота!

Ужина не было, но особенно есть не хотелось – устал. Меньше думать об этом, и не будет хотеться. Да, ходить по горам – это сложное дело, хоть вверх по склону, хоть вниз по нему же, хоть по дороге. А утром поесть что будет? Мы с Пашей проверили запасы и убедились, что даже если кухня отстанет (увы, это случается нередко), то поесть найдется: сухари, трофейный кофе и сахар. Если кок окажется особенным раздолбаем и в обед не прибудет – тогда уже мало что останется. Ну, ладно, доедим сухари, будем ждать ужина и понадеемся на то, что тогда выдадут всё сразу, чего не додали.

Теперь нужно поработать со снаряжением, портянками и можно ложиться спать. Вот только бы не дождь... Под стук капель хорошо засыпать, но потом стоять под дождем на посту – лучше такого не надо.

Утречко наступило, и мне что-то ноздри щекочет. Это соломинка, что Пашка достал – разбудить меня пытается.

– Андрей! Держи хрен бодрей!

И смеется, зараза рыжая.

– Держу, держу, если бы ты свою скорлупку в Тамани не утопил с перепугу, так вместо бушприта бы использовать мог...

Пашка встал и потянулся. Пора принимать водные процедуры. Бриться – это у нас обязательно, небритым матрос может быть только в пустыне или без рук. А есть ли поблизости от Черного моря пустыня? Вроде как возле устья Днепра есть Алешковские пески, но насколько там с водой плохо – не ведаю. Сегодня завтрак будет, судя по запахам, поэтому моя очередь утром чай-кофе делать переходит на завтра или позже ...

...Да, закончилась наша вторая страда под Шапсугской. И на сей раз румынская пехота получила заслуженную трепку и устала атаковать. Если сначала бывало и до шести атак в день, то последние дни они одной-двумя ограничивались. Да и число атакующих резко уменьшилось.

Нам тоже все это нелегко далось – и потери, и усталость. А откуда же не быть усталости, если врыться в горки можно только кое-где, да и мало нас в строю. Потому и бегать много приходилось: группа сидит на удобной позиции и портит румынам жизнь огнем, а другая группа бежит и заходит во фланг, срывая атаку. Когда огнем и гранатами, когда и врукопашную. Отбросили атакующих, и опять бегом в укрытие – пока румынские минометчики и артиллеристы не почесались и нас не достали. Туда и там, оттуда и снова туда... Спа-

собо, что Андреева физическая форма все это позволяла. Я бы в своем теле, наверное, не выдержал. Нельзя сказать, что я свою жизнь за столом или на диване провел, но от таких нагрузок давно отвык.

Хорошо работалось гранатами, особенно если гранаты рвались в воздухе. В кино гранатный взрыв выглядит куда мощнее, чем в реальности – видимо, на киностудиях как-то усиливают его действие. Таких полетов врагов, как от взрывов американских гранат в американском кино, я ни разу не видел. В дело шли и трофейные гранаты, которые у румын имелись нескольких образцов. Немецкими «колотушками» и «яйцами», которые у румын тоже были, мы пользовались охотно, потому что знали, как с ними обращаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.